

ОНИ ВЫПОЛНИЛИ СВОЮ 5-ЛЕТКУ

Криволапова НА
Моторина ЛВ
Барышева ВА
Морьин

Суслова ЗА
Кавардина ЛА
Чаллыгина И

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 3 ЯНВАРЬ 1980

Москва. Злые куклы. Кремлевский Дворец съездов.

ГОД НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

Б. СОЛОВЬЕВ, К. ЮРЬЕВ

Фото А. БОЧНИНА

По счастливому совпадению. Новый год и зимние школьные каникулы начинаются одновременно. Без сказочного волшебства здесь, по-видимому, не обошлось — во всяком случае, так считают ребята. И елки — зеленые, пушистые, еще сохранившие на лапах серебристый иней — пришли к людям в дома. Спорю нет, елка дома — это очень хорошо, но разве может небольшая, домашняя, скромная елочка сравниться с теми, что встречали в эти дни ребят в театрах, дворцах культуры, концертных залах. И разве могут, в свою очередь, эти большие елки сравниться с главной елкой страны — той, которая стоит в Кремлевском Дворце съездов. О, это совсем особая елка! Ее, наверное, привезли в Москву на специальной платформе, а во дворец вносила по меньшей мере дюжина богатейших ледовых морозов — такая она высокая и пушистая!

И еще... Эта елка не просто елка в прямом смысле слова, которая «зимой и летом строй-

ная, зеленая была». Это прежде всего праздник: веселье, смех, песни, новые друзья, подарок в красивом конверте, который вручает кукловоду в конце представления симпатичная Снегурочка. И еще: елка — это память о Новом годе. Ведь не зря говорят: как его встретишь, таков он и будет. А уми с сказочной коллектив Кремлевского Дворца — Дед Мороз, Снегурочка, Белоснежка, сама Гномик, Емеля с говорящей Щучкой и новый персонаж — олимпийский мадемозель Миша постарались сделать так, чтобы елка надолго запомнилась, чтобы ребята от души повеселились, чтобы было потом о чем рассказать родителям и друзьям...

Но новогодняя елка — лишь одна из многочисленных радостей, омывавших ребят в дни зимних каникул. Сотни тысяч школьников страны провели эти дни на загородных базах отдыха. Среди них и многие московские школьники.

(Продолжение на 28—29-й стр.)

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 3 (2740)

12 ЯНВАРЯ 1980

© Издательство «Правда», «Огонек», 1980

ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ДЕЛЕГАЦИЯМИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ФРАНЦУЗСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Возрождается к новой жизни Кампучия — страна, пережившая годы полуголодного террора. Деятельность фабрик и заводов, поднимаются из руин больницы и школы. На сцене работают ткацкие станки Пномпенской текстильной фабрики.
Фото В. БУДАНА (ТАСС)

ВОЗРОЖДЕННАЯ КАМПУЧИЯ

7 января 1979 года над Пномпением взошло знамя Единого фронта национального спасения Кампучии, объединившего все силы, выступавшие против полуголодного режима генерала. За последние четыре года «чуждого» «социального эксперимента», разработанного в Пекине, клан Пол Пота убил три миллиона и в чести не повинных людей.

Победа патриотов открыла новый этап в жизни страны — этап возрождения, независимости, свободы и продвижения и социализма. 11 января была провозглашена Народная Республика Кампучия.

Дорогой ценой обретенная свобода, глубины и еще кровоточат раны. Но революция уверенно набирает темп, расчищая путь среди усложненных хаоса и разрухи. За год после победы окрепла народная власть на местах, созданы народные комитеты самоуправления. Уже действует почти половина существовавших до войны предприятий. На 370 тысячах гектарах рисовых полей завершается уборка урожая. Восстановлены порты, аэропорты, железная и шоссейные дороги.

Советский Союз, Вьетнам и другие социалистические страны оказывают Кампучию эффективную помощь.

С первого дня существования молодой республики не утихают кампании клеветы, развращающей против нее в Пекине и Вашингтоне.

Неудивительно, что в этом усердствует Китай — ведь именно его ставленником вышвырнули из Пномпена. Удивительное метаморфоза, которая произошла с западными «радетелями» прав человека.

Но как бы ни старались реакционеры, перемены в Кампучии необратимы. Ее законное правительство — Народное-революционное совет — признали уже более тридцати стран и национально-освободительных движений. Под руководством ЕФНКС кампучинский народ борется за строительство мирной, независимой, демократической, нейтральной и неприсоединившейся Кампучии, идущей по пути к социализму.

«Руководствуясь принципами марксизма-ленинизма и просветского интернационализма», — говорится в телеграмме, которую товарищи Д. Брежнев и А. Носигин направили Председателю Народного-революционного совета НРК, Председателю ЦК ЕФНКС Ханг Самричу по случаю первой годовщины победы кампучинского народа. — Советский Союз будет и впредь всемерно крепить отношения тесной дружбы и сотрудничества с Народной Республикой Кампучией на благо советского и кампучинского народов, в интересах дела мира, демократии и социализма».

Б. ЛАБУТИН

ИЗВЕСТЕН ВСЕМУ МИРУ

Обложка этого журнала всегда привлекает внимание своей выразительностью и яркостью, а на сей раз она особая — юбилейная: по ней можно проследить его историю, она наглядно демонстрирует постоянную актуальность этого интересного, содержательного журнала.

«Журнал «Советский Союз» — это открытие для всех панорама жизни первой страны

В ДОБРЫЙ ПУТЬ

8 января в Центральном Комитете КПСС начались переговоры между делегацией Коммунистической партии Советского Союза во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС Д. И. Бирюзовым и делегацией Французской компартии во главе с Генеральным секретарем ФКП Ж. Марше.

В состав делегации КПСС входят: член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС М. А. Суслов, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС, председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами С. И. Круглов, кандидат в члены ЦК КПСС, первый заместитель заведующего Международным отделом ЦК КПСС В. В. Загладин.

В состав делегации ФКП входят: член Политбюро, секретарь ЦК ФКП М. Гремец, член Политбюро ФКП Ф. Лазар, члены ЦК ФКП Д. Моме и Ж.-П. Маншон, заместитель заведующего Международным отделом ЦК ФКП П. Лемаж.

В ходе переговоров товарищи Л. И. Брежнев и Ж. Марше рассказали о положении в СССР и во Франции, о деятельности КПСС и ФКП. С обеих сторон было уделено большое внимание развитию международного обстановки, проблемам мира, разоружения и разрядки. Были затронуты также вопросы отношений и сотрудничества между двумя партиями.

В беседе, прошедшей в сердечной, дружеской обстановке, приняла участие помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блятов.

На снимке: во время переговоров.
Фото В. Мусалыма [ТАСС]

реального социализма, ее славного прошлого, динамичного настоящего, вдохновляющего будущего, — говорится в приветствии Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума ЦК Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева напутственному редакционному акту и читателям журнала. «Видные государственные и общественные деятели, заслуженные люди труда, ученые, писатели, журналисты высказывают на его страницах свою точку зрения по самому широкому кругу внутренних и международных проблем, выражают мнение по актуальным вопросам современности».

Этим приветствием открывается юбилейный номер. Читая его дальше, мы найдем в журнале состав члена Политбюро ЦК КПСС, Председателя Совета Министров СССР А. А. Мусалыма. «Плановое управление экономикой — новый этап и сообщение о Всесоюзной конференции сторонников мира. Формирование нового о Южно-Таджикском территориально-производственном комплексе и строительстве БАМа, об Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы и сегодняшней делегации Намазана. Записка о новых программах советского мира и о республиканском празднике гонимых в автоскопической Шуге. Как всегда, в номере есть сказка для детей с красочными иллюстрациями и центральная репродукция картин, есть разнообразная информация о новостях в науке и спорте».

Основанный повестью издателя М. Горького, журнал «Советский Союз» (тогда он назывался «СССР на стройке») ныне выходит на двадцать языков и известен всему миру. Более ста тридцати стран благодаря этому журналу знакомятся с достижениями Советской экономики, науки и техники, искусства и культуры. За большую работу по освещению советского образа жизни, внутренней и международной политики КПСС и Советского государства, пропаганде идей мира, социальной справедливости, дружбы и сотрудничества между народами журнала «Советский Союз» награжден орденом Ленина.

В канун Нового года Государственная комиссия приняла в постоянную эксплуатацию железнодорожную линию Тымда — Берикант. Строем БАМа завершили год славными трудовыми победами.

Еще вчера вторая очередь «Малого БАМа» как бы экзаменовала своих строителей, испытывала их мужество и инженерную изобретательность, умение бороться с коварством Севера. А сегодня люди испытывают стальными путями большими скоростями.

Железная дорога, идущая от Тымды на север — Каметька, еще совсем недавно машинисты отделения временной эксплуатации управления Байстроупуты водили по ней небольшие составы, доставляя к месту укладки рельсы и другие строительные материалы. А в обратную сторону, на юг, из Нерюнгри шли составы с лесными углями, но малыми скоростями. Под колесами тепловозов тогда была «рыхлава», неприкатанная колея. Это закономерно — так начинаются все железные дороги. И первые шаги по ним делают машинисты временной эксплуатации, люди, дающие дорогу путевки в жизнь.

Три года строился железный участок БАМа, линия Тымда — Берикант. Три года, с каждым днем удлиняя маршруты и увеличивая скорости, водили по ней строительные поезда машинист-наставник Виталий Белоусов. И вотчас, расставания. На станции Тымда-1 Белоусов вручил символический жезл своему коллеге Исайе Рыбову, машинисту первого тындийского отделения эксплуатационной БАМа. Сегодня, когда дорога принята в постоянную эксплуатацию, идет в Берикант состав из семи-десяти вагонов.

...Легким толчком тепловоз тронул состав.

Колеса, наращивая скорость, застучали весело и звонко. И в каждом их переступе я, назавось, слышал отзывчивый слух Виталия Белоусова: — В добрый путь! В добрый путь! В добрый путь!

А путь до Бериканта действительно добрый? — спросил я его, когда шум уходящего состава затихал.

— Отличный путь! Сделан на совесть. Даже там, где у дороги сложный рельеф, состав идет мягко, ровненько, без боязни дергать скорость, и семидесят и более километров в час...

Ужасовалось, что Белоусов и сейчас там, уже мысленно, проходил он все 220 километров дороги. Завтра у Белоусова начнется новый путь. Завтра он поведет состав рабочего поезда по зайчику, не принятому еще дороге на запад по чарскому направлению БАМа.

В тот день волновался не только машинист Белоусов. На станции Могот мерли шагами еще галлущие красной помещенные 23-летние нижегородцы Заура Мамея. Сегодня он самостоятельно заступил на пост дежурного по станции. А рядом, в пустом поле, где ожидания, там же вознамерился строить Марат Минигалиев, построивший вокзал. Через несколько часов он вместе с дружным по бригаде свист в вагон пассажирского поезда и простится с Моготом. Теперь их путь на восток, возмывает очередную станцию БАМа. Таков удел строителей. Но они уходят, оставляя «Малому БАМу» на память 1300 метров первого баямовского тоннеля, пробитого в вечной мерзлоте, почти десяти километров, добротные вокзалы и современные поселки с многоэтажными строениями...

...Ключевым участком БАМа — в строю! В добрый путь!

В. КУЗНЕЦОВ,
собор. «Огонь»
Фото автора

БАМ работает: из Нерюнгри идет очередной состав с углем.

Марат Минигалиев строит вокзал в Моготе.

Машинист-наставник В. Белоусов передает символический жезл машинисту И. Рыбову.

РДЦА

Советская культура понесла тяжелую урату. На 90-м году жизни скончался выдающийся деятель советского музыкального искусства, Герой Социалистического Труда, народный артист СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, профессор Александр Васильевич Свешников.

Верный сын Коммунистической партии, А. В. Свешников всю свою жизнь, творческие силы отдал советскому искусству, борьбе за народность, высокую идейность музыкального творчества, за торжество принципов социалистического реализма. Его многогранный талант музыканта и организатора особенно ярко проявился в таком демократическом виде музыкального искусства, как искусство хорового пения.

А. В. Савешников родился в 1890 году в г. Коломне. Музыкальное образование получил в г. Москве. Весь его трудовой путь неразрывно связан с основными этапами становления советской культуры. Он был первым заместителем исполкома Наркомпроса по борьбе с беспризорностью, преподавателем музыки, заведующим музыкальной частью студии МХАТ, художественным руководителем Ленинградской академической капеллы, хоровой капеллы Ленинградской оперы. Он почти сорок лет руководил Государственным академическим Русским хором СССР.

А. В. Свешников был талантливым педагогом, воспитавшим несколько поколений широко известных советских музыкантов. В трудное военное время по его инициативе было организовано Московское государственное хоровое училище, более четверти века в качестве ректора возглавлял он Московскую государственную консерваторию им. П. И. Чайковского.

**Александр Васильевич
СВЕШНИКОВ**

Творчество Александра Васильевича Свешникова, художника-коммуниста, выдающегося представителя советской музыкальной культуры, вдохновенного пропагандиста русской музыки навсегда останется в благодарной памяти нашего народа.

[illegible]

Степан Петрович ЩИПАЧЕВ

Советская литература понесла тяжелую утрату. На 82-м году жизни скончался один из зачинателей советской поэзии, выдающийся русский поэт Степан Петрович Шипачев.

Участник гражданской и Великой Отечественной войн, член КПСС с октября 1919 года, Степан Петрович Щипачев прошел большой и яркий путь убежденного борца за идеалы коммунизма.

В своих стихах Степан Щипачев воспел трудовой и воинский подвиг советских людей, любовь к социалистической Отчизне, стремление к миру и дружбе народов, нравственное богатство современников, красоту родной природы. Произведения Степана Щипачева, посвященные В. И. Ленину, стали

значительным вкладом в поэтическую Ленинскую. Его стихи и поэмы, развивающие лучшие традиции русской классической поэзии, отмеченные задушевностью и лиризмом, нашли широкое признание у читателей, переведены на многие языки народов нашей страны и за рубежом. Произведения поэта были дважды удостоены Государственной премии СССР.

Партия и Советское правительство высоко оценили заслуги

[illegible]

США

КАК ВЫЖИТЬ?

ТОРЖЕСТВО РЕВОЛЮЦИИ

Вадим КАССИС,
Казар РАШИДОВ

Итак, апрельская революция 1978 года, свершенная афганским народом, получила свое дальнейшее логическое развитие. Свергнут кровавый диктаторский режим Хафизулла Амина и его приспешников.

Афганистан — многонациональная страна. Здесь проживают пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, кураистанцы и другие племенные группы. Тот, кому приходилось бывать в этом государстве прежде, знает, какому гнету подвергались все они, с какой верой смотрели в будущее, борясь за свободу, отстаивая ее.

Под мощным натиском этой борьбы рухнули мрачные бастионы деспотизма. Апрельская революция, полновесный конец засилью архаичных производственных отношений в социально-экономической жизни страны, дала импульс развитию совершенно новых форм организации производства. Она открыла путь к демократии, справедливости, восстановлению правопорядка, законности, конституционному правлению.

Как отмечает Генеральный секретарь ЦК НДПА, Председатель Революционного совета и премьер-министр Демократической Республики Афганистан Баबर Кармал, великие принципы уважения к исламской религии, уважение народных, семейных и национальных обычаев также, несомненно, найдут свое отражение в конституции ДРА. Этот важный, ожидаемый всеми документ будет разработан при участии широких народных масс, исходя из самых прогрессивных позиций.

Новый этап революции всегда нелегок, чреват неожиданностями. Старое, отжившее не желает добровольно уступить дорогу. Вот почему наряду с социально-экономическими преобразованиями, естественно, важнейшей задачей руководства республики и всего народа на данном этапе является защита завоеваний апрельской революции, защита государства, его национального суверенитета.

Силы внутренней и внешней реакции, повенчанные с империализмом, не оставались ни перед чем. Они пустились в ход масса гнусные пропагандистские приемы. Клевета и дезинформация, постановка преувеличенных фактов об истинной обстановке в Афганистане обрели черты своеобразного идеологического плацдарма для психологических атак на Демократическую Республику Афганистан.

Под лживым предлогом защиты ислама оголенные круги империализма применяют свой испытанный метод: создают бандитские отряды для диверсионной деятельности против народной власти, покровительствуют кучке укравшихся у них предателей и изменников афганского народа. [Дополнительно известно, что в подготовке банд итежников принимают участие в тесном альянсе с Центральным разведывательным управлением США пекинские гегемонисты. Это их инструкторы — офицеры китайской армии готовят террористов на базах, расположенных в Пакистане. Это с их помощью лишь на днях было переперено через пакистано-афганскую границу более 20 тысяч единиц боевого оружия. В связи с этим канадский журнал «Манлиш жинзин» отмечает, что не случайно в 1979 году высокопоставленная военная делегация Китая во время визита в Пакистан побывала в районе пакистано-афганской границы.]

Но у Афганистана есть и другая, от первого до последнего километра дружественная граница. В самом конце прошлого года народ наших стран отметил первую годовщину подписания Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между СССР и ДРА. Он явился важным вкладом в дальнейшее укрепление традиционных отношений дружбы и сотрудничества между нашими государствами.

При содействии Советского Союза в Афганистане пушены в строй или закончатся на стадии строительства свыше 130 различных объектов. Опытные советские специалисты готовят инженерно-технические кадры, в которых так нуждается афганская экономика. Растут и крепнут торговые связи.

Вот почему когда над Афганистаном повисла угроза вооруженного вмешательства извне, он прежде всего обратился с настоятельной просьбой к СССР об оказании срочной политической, материальной, экономической помощи, включая военную. В этом проявилось огромное доверие к бескорыстному союзу и дружбе — Советскому Союзу.

В эти дни мы беседовали со многими афганцами. Они считают, что великие принципы пролетарского интернационализма и равноправия уже одержали верх. Революция торжествует!

КАБУЛ (По телефону.)

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Самое бедное меньшинство Америки — индейцы — живет изолированно и в изнурение удобных районов. Среди них одна племенная группа, владеющая жалким существованием. Горечи и пессимизма, беспомощности, а порой и ненависти — так примерно можно охарактеризовать основное настроение хозяев Америки.

Хотя земли индейских племен располагают 50 процентами всех американских запасов урана и третьей частью бедного серого каменного угля в открытых горных выработках на американском Западе, хотя в индейских землях имеется большое количество нефти и газа, развивать им нечего. Ни одного индейца нет в правлении угольных компаний, ни один индеец не играет сколько-нибудь значительной политической роли ни в одном штате США.

Минимум четвертая часть земли, принадлежащая индейцам, сдана в аренду или уступлена белым. Крупные энергетические концерны полу-

ЮАР

В ЗАСТЕНКАХ АПАРТЕИДА

«Я прошу пострадавших простить меня, — сказал он. — Прошу прощения у всех, кто по моей вине был нанесен вред или был арестован, повернут пытками или разлучен с семьей. От всех душ сочувствующих их страданиям».

Человек, произнесший эти слова, — агент секретной службы ЮАР, который бежал за границу. В течение 20 лет метис Александр Ламберт работал в портовой городе Дурбане в качестве агента Бюро государственной безопасности (БЮБС). Потом он бежал в Швейцарию. По его словам, он не хотел больше быть пособником режима апартеида.

О своей работе в качестве агента секретной службы ЮАР Ламберт рассказывает в книге «Штерн». Его сообщение показывает бездушность и жестокость южноафриканской службы безопасности и подтверждает обвинения в пытках и убийствах, которые вот уже много лет предаются огласке, а власти опровергают.

Сначала Ламберт был простым полицейским, но потом его заарестовала секретная служба. Задавая свою задачу в качестве поставщика военных сведений, с магнитофоном под пальто и с микрофоном, инвентаризованном и научно классифицированным по окраске под церковными кафедрами и записывая проповеди либеральных священников.

ются преимущественным правом на угольные и урановые месторождения, где проживают племена кроу, публо-агуада, чечены и навахо.

«Нас обманывают уже в течение нескольких столетий», — жалуются Питер Макдональд, представитель племенного — самого крупного племен северокоренных индейцев, насчитывающего 150 тысяч человек. «Мы не хотим, чтобы из нас и дальше выжимали все соки», — заявляет Флорид Корреа из соседнего племен публо-агуада, расположенного значительными месторождениями урановой руды и каменного угля.

Три тысячи его соплеменников, проживающих в резервации, имеют очень печальный опыт: трагическую руду, принадлежащую индейцам, добывают, перерабатывают и продают безмозглыми. Подлинным владельцам остаются в соответствии с договором, заключенным 25 лет тому назад на неопределенный срок, лишь жалкие крохи. «Их так мало, что мне стыдно говорить об этом», — замечает Корреа.

Почти все резервации, говорят специалисты, занимающиеся изучением проблем индейцев, превратились в «трущобы под открытым небом», которые отключаются от гетто латиноамериканцев и негров только своим слепым ландшафтом и природой.

Большинство домов там мрачны и убоги. Безработица в резервациях колеблется от 30 до 50 процентов, детская смертность здесь во много раз выше, чем у белых. Большинство индейцев неграмотно. Среди индейцев широко распространены алкоголизм.

История заселения Соединенных Штатов Америки — это история истребления и притеснения их коренных жителей. По мнению Сима Делорна, лишь часть его соплеменников имеет шанс выжить «Моему это устало, другим нет», — говорит этот коренник на племенном Сит.

На с ним же: по любому подозрению, а иногда просто «для профилактики» индейцев бросают в тюрьменную камеру.

ЧИЛИ

ТЕМНЫЕ ДЕЛА ПИНОЧЕТА

Вот уже более шести лет фашистский режим генерала Пиночета свирепствует в Чили. Пиночет объявил себя победителем патристских, традиционных свобод, экономического либерализма. На самом деле шесть лет существования пиночетовских порядков на службе у «национальной добродетели» привели лишь к образованию системы экономических привилегий и коррупции, которая позволила военной верхушке и в особенности родственникам Пиночета захватить несметные богатства.

У чилийских военных залпы аппетит. Недавно жалование генерала было увеличено более чем вдвое. Чилийский армия похитит 43 процента национального бюджета. При населении, равном численности населения Португалии, Чили тратит сейчас на военные нужды столько же, сколько эта европейская страна расходовала в самый разгар колониальных войн. Однако сейчас Чили не ведет войн, если не считать войны против собственного народа, большинство которого страдает от нищеты, безработицы и низкой заработной платы.

Высшие офицеры чилийских вооруженных сил пользуются привилегиями при покупке предметов

роскоши, они освобождены от уплаты таможенных пошлин и получают кредиты под малый процент для совершения крупных закупок.

Но еще большие привилегии и выгоды находятся в руках чилийских сынов Пиночета. Показатель, что они закрепили семейству Соусо, которое в свое время присвоило себе более половины всех предприятий Никарагуа. За шесть лет пребывания у власти чилийский генерал, так охотно забывающий и христианский мораль, не добился еще того, чтобы династия Соусо достигла за почти соразмерное правление. Но он на верном пути. Сестра диктатора владеет обувной фабрикой, которая изготавливает армейские сапоги. Она же возглавляет руководство портом Икике. Это злит является директором административного совета ассоциированных предприятий. Другой злит руководит национальным телевидением. Вторая сестра Пиночета занимается импортом автомобилей из США. Один из его племянников благодаря протекции был назначен директором крупной фирмы. Это лишь часть темных комбинаций, совершаемых родственниками «полюдного патриотизма».

На с ним же: солдаты на улицах Сантьяго.

Он расспрашивал участников о политических взглядах их учителей. Он также фотографировал присутствовавших на мероприятиях объявленного ныне вне закона Африканского национального конгресса.

Но у сотрудников БОСС нашлась для него и другая работа. Все чаще ему поручали устанавливать подслушивающие устройства в домах и юнтурах «врагов государства». Служба секретной службы не хватало улий, Ламберт еще раз проникла в дом, подбрасывая враждебные правительству листовки и коммунистическую литературу, чтобы спровоцировать оппозиционеров. На следующий день полиция неожиданно устранила объект.

Секретная служба и полиция безопасности ведут беспощадную борьбу с врагами патристизма. Агент БОСС был свидетелем зловещего обращения с политическими заключенными в Дурбане, в соседнем с ним Питермаритцбурге и в Намибии, находящимся под властью ЮАР. После ареста, по словам Ламберта, заключенных заставляли снимать с себя все до последнего белья. С завязанными глазами, с руками, связанными наручниками за спиной, они лежали в полицейском автомобиле лицом вниз. Потом в течение трех дней их держали в одиночных камерах. Им давали только суп или чай, в котором были растворены вещества, расслабляющие организм. Ламберт видел, как общались с заключенными, которые не хотели говорить. Полицейские, держа свои морды за руки и за ноги, раскладывали их и затем бросали о стену. Им клали на живот доску, и полицейские, которые вели допрос, раскачивались на ней, как на качелях. Их подвешивали за ноги так, что голова до бровей была опущена в ведро с водой, и пытали электрошоком.

На с ним же: расправа полицейских с демонстрантами Суэзо.

По материалам зарубежной прессы.

Ирина ДАНИЛОВА,
доктор искусствоведения

Несколько месяцев назад в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве экспонировалась выставка картин из двух австралийских музеев — Национальной галереи Виктории в Мельбурне и художественной галереи Нового Юэльса в Сиднее. Это вторая в Советском Союзе выставка, присланная к нам из Австралии: на первой были показаны рисунки XV—XX веков.

1979 год положило начало нашему знакомству с культурными и художественными ценностями этой страны. В обмен советские музеи послали своим австралийским партнерам выставку русской и советской графики, а также западноевропейской и русской живописи. Мне повезло побывать в Мельбурне на ее открытии в новом великолепно оборудованном здании Национальной галереи. Экспозиция пользовалась в Мельбурне небывалым успехом. Зрителей поражало прекрасное художественное достоинство присланных экспонатов: в разделе западноевропейской живописи сударным полотном была картина Караваджо из Эрмитажа, в разделе русского искусства — пейзаж Шишкина. Но не только это — самый факт прибытия картин из Советского Союза оказался сенсационным. Вернее, превратился в своеобразную демонстрацию дружеских отношений с нашей страной, знакомство с ее бытом, культурой: в вестибюле музея были представлены русские книги, альбомы, фотографии, продавались русские сувениры, читались популярнейшие лекции. Даже в ресторане в первые дни выставки было русское меню, а вокруг музея стояла очередь — явление, не столь уж обычное для Мельбурна.

Москвичи, в свою очередь, помнят, каким успехом пользовалась в дни минувшего октября австралийская выставка в музее изобразительных искусств. Представленные на ней полотна свидетельствовали о высоком качестве коллекций художественных музеев Мельбурна и Сиднея. Экспозиция начиналась с итальянской живописи эпохи Возрождения XVI века. Среди экспонатов — превосходный «Портрет неизвестного мужского лица», приписываемый кисти великого Тициана, произведений которого нет в Москве. Другому знаменитому венецианскому художнику, современнику Тициана Якопо Тинторетто, принадлежит портрет венецианского дома Пьетро Лоредано. XVI век как век блестящего расцвета портретной живописи в Венеции был достоин представлен на выставке.

Но особенно богат был раздел искусства XVII века. Здесь прежде всего привлекло внимание «Мужской портрет Рембрандта, относящийся к периоду наивысших живописных свершений мастера. Портрет исполнен со свойственным позднему Рембрандту проникновением в неспешными глубины внутренней жизни человека, с характерной для него экспрессией светотеневого решения и свободой живописного мазка. Голландская живопись XVII века Рембрандта была показана в полотнах таких крупных мастеров, как Гоббсма, Саломон и Якоб Рейсдаль, Терборх. Фламандская школа фигурировала эффе́нтным по живописи парадным портретом Ван Дайка.

Для специалистов и любителей живописи — постоянных посетителей музея — особенно интересны были небольшой, свежо и смело написанный портрет молодого человека, до последнего времени считавшийся работой Веласкеса. Недавно удалось выяснить, что это автопортрет знаменитого итальянского скульптора и архитектора Лоренцо Бернини.

Но особенно богата и разнообразна была экспозиция английской живописи XVIII—XIX веков. Для советских зрителей раздел представленных собранных представлений весьма сложен. Выставка же давала возможность проследить развитие портрета с самого начала XVIII столетия. Внимание зрителей привлекало чрезвычайно любопытный групповой портрет работы Артура Данса, который изображал супругов Клевес с детьми, отдыхающих в парке. Эта картина, несколько наивная по исполнению, но обязательно искренняя, принадлежит к особому типу семейного буржуазного портрета, распространенного в Англии XVIII века и называвшегося «Собеседование». Портрет Артура Данса, воспроизведенный в цвете на афише московской выставки, стал своеобразной ее эмблемой.

Лучшим полотном этой экспозиции можно считать портрет Эдварда Ротлима замечательного мастера Томаса Гейнсборо, одного из

самых изысканных колористов XVIII века. Образ юной героини проникнут мягким лиризмом: нежнейшая моделировка лица сочетается с виртуозной передачей шелка и кружев одежды; кажется, что живописец едва касается кистью полотна. В противоположность Гейнсборо смелая манера Рейнолдса отличается сочным колоритом, уверенностью и свободой кисти, отбрасывая в великодушном портрете леди Френсис Финч. Рейнолдс был признанным главой английской портретной школы второй половины XVIII века. Его работы так же характерны Гейнсборо и их младшего современника, шотландца Ребрина, оказали сильнейшее воздействие на портретную живопись многих национальных школ Европы и Америки. Переключив с английским портретом можно найти и в русской живописи XVIII века, особенно в чудесных портретах Огюста, похожих и в то же время так не похожих на полотна Гейнсборо.

Самым замечательным достижением на рубеже XVIII и XIX веков становится пейзаж: в развитии этого жанра Англия имела своего опережающего европейские страны. Если многие показанные в Москве картины еще связаны с традицией классической пейзажной живописи XVII века, то Джон Констэбл, работавший в первой трети XIX века, выступает как смелый новатор, порвавший с традиционными схемами, условными приемами построения пейзажа и обратившийся к непосредственному изучению природы. Одним из первых он начинает работать под открытым небом, непосредственно на пейзаже, добывая небывалой для того времени свежести в передаче природы. Его краски, чарующие нас своим насыщенным, но сдержанным колоритом, современникам казались слишком яркими, режущими глаз, почти кричащими. Констэбл сыграл роль своеобразного предтечи пейзажной живописи французских импрессионистов. На выставке он был представлен четырьмя отличными полотнами.

Два больших полотна Тернера относятся к началу 1800-х годов, то есть к раннему периоду его творчества. Они дают представление об эффе́нтной маэстрии его кисти, хотя их тональный колорит далеко еще от безупречной колористической фантазии более поздних работ художника.

Несомненный интерес для советских зрителей представляло полотно Бери-Джонса «Святая Георгий, побеждающий дракона». Это пример искусства так называемых прерафаэлитов — одного из знаменитых художественных течений в Англии середины XIX века. Борьба с шаблонными приемами академической живописи, с мелочным и поверхностным анимизмом английского бытового жанра тех лет, прерафаэлиты пытались подорвать, и в союжете и в жанре исполнения итальянским мастерам раннего Возрождения. Многие черты их искусства предвосхищали живопись европейского символизма конца XIX столетия.

Важный раздел выставки представляла австралийская живопись XIX века, мало известная вне пределов Австралии. История ее начинается лишь с середины XIX века. Она создавалась людьми, прибывшими из Европы, и поэтому, естественно, во многом повторила основные стилистические признаки европейского искусства. Самый интересный и оригинальный жанр здесь — пейзаж. Знаменитый австралийский пейзажист считается англичанин Гавер, переселившийся в страну в 1831 году. Хотя художник работал в традициях европейского пейзажа академического толка, сама природа в его полотнах, ее дикое красота, обширные пространства, буйная растительность навлекают печать своеобразия на эти произведения. Большую роль в становлении национального пейзажа сыграл швейцарец Лун Бюелет, воспитавший целое поколение молодых австралийских романтиков. Позднее, в творчестве мастеров 80—90-х годов, можно наблюдать влияние импрессионизма. Но важнее другое — несмотря на несомненные перемены в основных стилистических тенденциях искусства Европы, австралийская живопись второй половины XIX и начала XX столетия обладает несомненным своеобразием — прежде всего в передаче яркого солнечного сияния, как и с чем не сравнимого австралийского освещения и воздуха, даже сейчас, в нашу индустриальную эпоху, сохраняющего свою поразительную, «первозданную» чистоту и прозрачность. Полотно, посвященное в Москве, давало возможность увидеть и в очень скромной степени, почувствовать обаяние неповторимой красоты природы Австралии, своеобразия жизни и быта ее людей.

Именно Мельбурн и Сидней богаты сокровищами искусства, и мы надеемся, что наше сотрудничество, столь удачно начавшее, будет успешно продолжаться.

Хотелось бы в ближайшие годы увидеть у нас в Советском Союзе большую ретроспективную выставку английского искусства, а также народное творчество австралийских аборигенов, у нас совсем неизвестное, поражающее высоким художественным уровнем.

Якопо Тинторетто. 1518—1594. ДОЖ ПЬЕТРО ЛОРЕДАНО. 1567—1570.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн.

ИЩУЩИЙ НАХОДИТ!

● Доказано: кто не экономит в малом, не экономит и в большом.

Кажется, сущий пустяк: шланги соединить, неполадку и сбитый воздух через эти крохотные латейки уходить, но оказывается, что на Могилевском автомобильном заводе имени Кирова с потерями электро-воздуха теряется в год более 60 тысяч киловатт-часов электроэнергии. Вот так пустяк! На том же автозаводе до сих пор не налажено нормирование расхода энергоресурсов по цехам и энергомашинам агрегатам. Не менее 200 тысяч киловатт-часов электроэнергии теряется в год из-за того, что никто не «догадывается» отключить силовые трансформаторы, когда завод не работает.

Между тем здесь же, в Могилеве, есть предприятия, где рациональность во всем давно стала законом. На заводе «Строумашина», например, только за четвертый квартал 1979 года сэкономлено 186 тысяч киловатт-часов электрической энергии, или 3,5 процента от нормы потребления, а планируемая норма — три процента.

На Минском станкостроитель-

ном заводе имени Кирова действует правило: ориентироваться на систему, до мельчайших деталей продуманную и разработанную. Здесь активно действует комиссия, которая настойчиво ищет пути экономии материальных ресурсов и повышения эффективности производства. А ищущий, как известно, находит! Одно из недавних коллективных предложений — внедрение автоматического управления компрессорами. В переводе на язык экономии это примерно 150 тысяч киловатт-часов электроэнергии в год. Добавим, что за 1979 год предприятие сэкономило миллион 176 тысяч киловатт-часов.

Электротехнический завод имени Козлова расположен недалеко от станкостроительного. Заглянуть бы к соседям да поучиться! Но есть такое понятие, как «исам с усам». Вот и не хотят замечать, что, скажем, греется электроэнергией — слишком дороговато — довольствие (тепло от парового или водородного котла примерно в три раза дешевле, чем от электростанций). Когда сюда заглянули инспекторы энергонадзора, то в жар бросили: электричеством обогрелись проходные. Почти полторы тысячи киловатт-часов в квартал зря транжирили. Да, поистине — удивительно

рядом. Инспекторский надзор взял своеобразную пробу на производственном объединении «Обрускинская», и выяснилось, что много тепловой и электрической энергии расходуется впустую. Не выдерживается, скажем, технология поджарки смеси, и она уходит в брак, преждевременно проплавая через ее подготовительные звенья, а затем — на городскую свалку. Вместе с ней, образно говоря, выбрасывается и потраченная на подготовку смеси энергия — ни много ни мало 736,9 тысячи киловатт-часов в год. И это только в одном технологическом цикле. А их — не один и не два. Известно, что экономия считается. На нем и держится. И тут нельзя не коснуться проблемы средств и способов учета расходов электроэнергии. Доказано, сколько эффективна автоматизированная информационно-измерительная система учета и контроля. Белорусский филиал энергетического научно-исследовательского института имени Крижановского такую систему разработал. Она годится и для промышленных предприятий, и для села, и для транспорта. Восьмью крупными предприятиями республики уже используют ее. Но внедрена она не всюду — кабеля не хватает. Не хватает таких простых приборов, как однофазные и трехфазные

электросчетчики, низковольтные трансформаторы тока. Кажется, совсем недавно электросчетчиков было хоть пруд пруди. Ныне их днем с огнем не сыщешь. Заявки удовлетворяются лишь на 15—20 процентов. Куда же денется счетчик?

Одним из главных поставщиков их был Вильнюсский завод электроизмерительной техники. Теперь (то ли сам завод индикативно проявил, то ли плановые органы так решили) здесь выпускают, кроме прежней продукции, классические электронные счетные машины и автоматизированные системы учета и контроля электроэнергии ИИСЗ-48. Они, без сомнения, нужны народному хозяйству. Но нужно было либо запланировать увеличение мощностей завода, либо организовать производство электросчетчиков где-то на другом предприятии.

Дело энергоинспекции — обнулять учетку и указать, откуда она. Дело производственников и хозяйственников — учетку остановить. И как можно быстрее.

В. ЖОРОВ,
начальник службы
энергонадзора Белгосэнерго
А. ШЕРБАКОВ,
сборщик «Огонька».

Минск.

НЕДОПУСТИМОЕ РАСТОЧИТЕЛЬСТВО

В «Огоньке» № 40 за прошлый год была опубликована заметка С. Лузина «К зиме готов», в которой сообщалось, что в Ленинском районе г. Москвы есть вале техники-снороватки вместе с начальником жэка № 12 обожли квартиры жильцов, записали неполадки, а в июле начались работы по ремонту тепловой сети. Этот жэж обслуживает более двух тысяч квартир.

В нашем жэке № 2 Кировского района Волгограда дела обстоят иначе, хотя, как и везде, есть и немаленькие, и маленькие, и снороватые. Но основное время они проводят в кабинетах. Никто из руководителей не заглядывает в журнал заявок, в который жильцы записывают свои просьбы о ремонте. Создается впечатление, что этот журнал не смотрят и сами сантехники. Договариваться нужно с глазу на глаз — тогда все будет сделано. Я предлагаю, чтобы в жэках начали выдавать списарам на руки. Выполняли народ — квартиропосредники распишались, а в журнале не будет ложных отписок.

Отопительный сезон начался с 15 октября, но в наших домах холодно и по сей день: батареи чуть теплые. Мы поспорили, чтобы квартиры заклеивали, оббили двери, но это не помогает.

Я несколько раз подавал заявку, чтобы промывали батареи, но ее никто не выполнял. Так обстоят дела в нашем и в соседних домах. Волгоградские, то есть нашего жэка, вовремя не приняло необходимых мер, да и сейчас плохо следит за порядком. Но поэтому жильцы пользуются обогревательными приборами, что резко увеличивает расход электроэнергии. И это происходит сейчас, когда все предприятия включились в борьбу за экономию электроэнергии. На наш взгляд, подобная бесхозяйственность — недопустимое расточительство.

Волгоград.

От редакции. В «Огоньке» приходит письмо из разных уголков страны, в которых читатели рассказывают, как подготовились к зиме райисполкомы, жэки, сами жильцы. Москвичи провели месячник по завершению предзимних работ и осматривают благоустройство города: проверяли отопительные трубопроводы, тепловые сети электростанций, теплосети квартир. «Огоньке» уже писал об этом. И все-таки в некоторых московских домах очень холодно. В редакцию

В. НИКИТИН,
пенсионер

пришло письмо от пенсионерки И. Я. Грозденской, проживающей на Славянском бульваре в доме № 37. Она сообщает: «Температура в комнате 16—17 градусов, пол ледяной, батареи чуть теплые. Обогреваемся мы газом и электроприборами. Я неоднократно обращалась в жэи и РКУ, но обе эти организации подошли к делу формально».

Жители поселка Покровка, Мартукского района, Актюбинской области тоже жалуются на холодные батареи: давно не работает паровое отопление. Заместитель председателя райисполкома А. Ф. Герасименко ответил, что факты подтвердились, но исправить положение можно только летом 1980 года, когда будет проведена наружная теплопостановка. Следовательно, в эту зиму, чтобы не сидеть в холодных квартирах, жителям Покровки придется включать дополнительные электроприборы.

Как видно из редакционной почты, уроки прошлых лет, суровые зимы, некоторые руководители жэков прошли даром. «Мы, безусловно, за экономно тепла, но за разумную экономно, которая может быть обеспечена только при правильной подготовке зданий к зиме и при правильной подаче тепла в дома», — пишут читатели.

Бесхозяйственная трата электроэнергии — крупная казнь, и за любое расточительство государственных средств нужно нести ответственность. Редакция ждет конкретных ответов от конкретных работников исполкомов и ведомств, ответственных за допущенные просчеты.

ЖИЗНЬ

С. БОРИСОВ

Фото М. САВИНА

Если считать, что у каждого предприятия есть свое лицо, то у Курской трикотажной комбината оно будет, наверное, самым молодым в области. Не потому, что предприятие существует двадцать лет — по нашим временам срок уже немалый. Просто много на комбинате молодежи. «В тридцать лет у нас становятся почти ветеранами», — с некоторым сожалением сказал заместитель секретаря парткома С. Н. Медведев, который сам, кажется, близок к этому «критическому» возрасту. Такая молодежная специфика во многом определяет здесь характер партийной работы. Задачи перед комбинатом стоят серьезные — это одно из четырех крупнейших и передовых предприятий отрасли в стране, дающее десять миллионов коточек, свитеров, жакетов и прочих подобных изделий в год. Молочная энергия, энтузиазм, расторопность должны сочетаться тут с очень высокой производственной дисциплиной, с полной мерой ответственности на каждом рабочем месте. Не случится ли пятисот восьмидесяти членов Коммунистической партии, работающих на комбинате, большинство — молодые рабочие. И они сейчас впереди: из семидесяти человек, уже выполнивших свои пятилетние планы, многие — коммунисты. Это пример, по-моему, стал лучшим подтверждением тому, что главные хозяйственные задачи комбината оказались в прямой зависимости от идеологической работы.

— Кто поступает на комбинат? В основном молодежь из сел и деревень Курской и ряда соседних областей, — рассказывает секретарь парткома Р. М. Вилулова. — Теперь мы редко набираем рабочих, как говорится, «с улицы», в основном кадры дает СГПУ. И потому партийная организация взяла под контроль самые первые шаги будущих рабочих уже с тех пор, когда они входят в училище. Хотя нет, даже раньше, — когда мы проводим на комбинате

«день открытых дверей», чтобы помочь абитуриентам сделать выбор.

— Вот вы сказали — берем под контроль. Но ведь это прежде всего задача руководителей самого училища — как им опекать своих учеников.

Правильно, — согласилась со мной Римма Михайловна, — но и партийная организация фабрики в стороне не остается. Впрочем, давайте я позволю вам с нашей шеей, коммунистом Надеждой Криволаповой, она вам все на примере объяснит.

Надежда Криволапова шла по цеху уверенно, хозяйской походкой. Я сразу узнал ее — фотография швеи висит на Доске почета у проходной, специальный стенд сообщает, что Криволапова одной из первых на комбинате выполнила свою пятилетку.

— Училщица? Да это для нас как вторая работа. Нет, не только швейство, но и наставничество. Я ведь помню, какой я сама десять лет назад сюда пришла, всего боялась... А теперь каждый новичок обязательно у кого-нибудь под присмотром. Ведь это и нам, кадровым работникам, выгодно, — весело улыбается Надя, — «дзгушники» в наши же бригады потом придут! Вот сейчас со мной работают выпускницы Гала Андреева и Тамара Шафаростова: планто у нас общий, как же мне о них не заботиться! А если серьезно — свои обязанности наставника я считаю самым главным партийным поручением.

...Ровным гулом заполнены высокие цеха комбината. Сотни всевозможных машин, пестрая палитра разноцветных нитей, потоки полотна, груды выкроек. Поначалу отдельно взятый человек в этом подвижном красочном царстве трикотажа кажется обособленным, оторванным от мира рамокми своего конвейерного ритма. Успеть, не ошибиться, не отстать! Но каждая встреча, каждый новый разговор все больше убеждают меня, что люди здесь связаны не только этой бесконечной нитью производства, но одним лишь теплом машин.

Взглянув Александра Гребенникова рассказывала мне, например, что она — да и не только она, любой опытный работник — каким-то неведомым, шестым, что ли, чувством ощущает, когда у молодой вазелиницы на машинке случается «срыв» или там «купон не прохорется». У самой Греб-

бенниковой пять таких машин, но подбывает, помочь человеку — дело считанных секунд, и снова машина с молниеносной быстротой вяжет свои петли, наращивает ряд за рядом синий купон для чьего-то будущего свитера. Только это уже не просто кусок трикотажа, он согрет теплом дружеской помощи. Я иду дальше, а на стене — свежая «молния»: «Сердечно поздравляем Чаплыгину Елену Сидоровну с досрочным выполнением пятилетнего задания». «Где ее, Чаплыгину, можно увидеть?» — спрашиваю я у пробогетовой девчонки, а та на ходу радостно машет рукой: «Ой, да у нее сегодня свадьба, сама туда спеши!» Краем уха слышу в коридоре разговор о каком-то вечере в общештении, а вестимбо две парней обмениваются комплиментами...

Честно скажу, если бы не особая, семейная, что ли, обстановка на комбинате, я бы в свое время отсюда ушел! — признался мне помощник мастера Александр Квашенников. — Это было дело лет назад. Пришел я сюда после курсов. Ну, не нравился мне эти машины, я вообще с детства равнодушным к технике был. Эх, как же меня здесь в первые годы ругали, критиковали. А потом... Не знаю, как, но увлекла меня работа. Сначала просто надоели в отстоящих ходить. Понемногу стал ощущать, понимаю, просто чувствую: от моей работы десятки, сотни людей зависят, план комбината! Теперь-то понимаю, что это же успешное, понятное понемногу накапливалось в моем сознании и вело свои результаты. Да и повзрослел, конечно. Сейчас просто убежден — лучшей профессией, чем моя, не существует! Три года назад вступил в партию, ну, комплект в соискеровании стал одним из лучших в цехе — это у нас так, комплекты, бригады соревнуются. Знаете, словно новая жизнь началась... Да и сейчас в соревновании в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина стараемся быть впереди.

В этом моем рассказе немного цифр. Не потому, что коллективу комбината нечем гордиться — здесь, напротив, всякого уровня и роста производительности труда успешно ведется экономика сырья, да и прочие показатели неплохие. Но не обо всем, что происходит на этом коллективе, скажу цифрами. Душа производства мне не прохорется...

Надежда Криволапова с учениками СГПУ.

Помощник мастера, партгруппор Александр Квашенников.

Заместитель секретаря парткома комбината С. Н. Медведев поздравляет шею Р. Н. Осипову с принятием кандидатом в члены КПСС.

Александра Гребеникова — наставница молодой вязальщицы Татьяны Дорошенко.

Заседает художественный совет: лучшая продукция комбината — детям.

Алексей РОМАНОВ

РАССКАЗ

Рисунок П. ПИНКИСВИЧА

КАЖДЕМУ СВОЕ НАДО УХОДИТЬ С МИРЕМ

Белела голова, расклевывалась, словно кто-то незримый заглянул в виски тонкую, расклеванную до боли поволоку. Тагостно, гнетуще ныло сердце. Нина Георгиевна сбрасывала одеяло, поднималась, в ночной рубашке босиком шла на кухню, холодной водой из под дребезжащего крана смывала полотенце и в который уже раз обмывала им пылающую голову. Потом отпил и опять глотала таблетки. И все вступило.

Стоило только закрыть глаза, забиться, задремать на минуту, как внос выплывало это давнее неотвратимое видение: истоптанные солдатскими сапогами обширная поляна, окмеленная истерзанными артиллерийскими соснами, неподалеку от которой санитары обмывали труп младшего лейтенанта Пети Голубева, убитого ранним утром на узкой лесной тропинке вражеским снайпером-кукушкой.

— После того, как войска 3-го Прибалтийского фронта, развивая наступление, в середине октября сорок четвертого года штурмом овладели столицей Советской Латвии городом Ригой, части, к которой был приписан полковой госпиталь Нины Галаголевой, шла с боями, не давая врагу закрепиться, вдоль побережья Рижского залива. Позднее, где-то возле населенного пункта Рикас Ормата, эту часть поставили на пополнение и отдых. Времени от времени вокруг, в лесных массивах, еще раздавались выстрелы, но артиллерийская канонада с каждым днем удалялась все дальше на юго-запад. Казалось, на истерзанной войной земле наконец-то водворился мир и покой. И только обожженные огнем и металлом сосны и ели шумели над холодным морем.

Двадцатилетняя медицинская сестра, перед самой войной окончившая медицинский техникум и более трех лет работавшая в прифронтовых госпиталях, Нина полюбила Пети Голубева пылко и безотчетно. Не то что нетерпеливо, а скорее очень уж робко они присматривались друг к другу. Ей все больше нравилось проводить с ним в незамысловатых разговорах эти странные, спокойные вечера. И его танюло к ней с каждым днем все сильнее. Объяснились они после затянущихся за полночь октябрьских торжеств — в ночной тиши на песчаном морском берегу под молчаливыми соснами. Думала, что их любви хватит на годы и десятилетия, а вражеская туля оборвала ее уже на третий день. Петья погиб, возвращаясь после свидания с нею. Все утро следующего дня его искали солдаты, забегали к ней в госпитальную дежурку, спрашивали, как извинялись, расставшись она с их лейтенантом, пока не наткнулись на его труп на тропинке, проложенной через лес от полкового госпиталя к небольшой прибрежной поселку, где квартировала его рота.

После похорон Пети Голубева Нина долго не могла прийти в себя. И днем и ночью в ушах ее еще звучал его шепот, звучали слышимые до того слова о любви, о счастье, о будущей жизни. Их обмывали грубые удары колючей проволоки, падавших в могилу на тесовую крышку гроба.

В конце февраля уже в районе Браслау,

где наши войска вели тяжелые бои с окруженной группировкой противника, Нина поняла, что дальше она не в силах скрывать беременность. Подала рапорт, подписавшись: Нина Голубева. И ее демобилизовали. После долгих раздумий, с вещевым мешком за плечами, она направилась с фронта в тот городок на Оке, откуда был родом Петья и где, как она знала, жила его мать Ирина Ивановна и сестры Вера и Шура. Кую-то часть пути из-под Браслау проделала на полупутных машинах, а возле Минска, на крохотной станции, ей удалось сесть на пассажирский поезд.

В Петин городок она приехала утром и, когда вышла из вагона, осмотрелась, увидела полуразрушенные строения и старинные церкви — и здесь в сорок первом — сорок втором годах прошла война, — ей вдруг стало не по себе: как-то принуд ее родные Петья! Не ошибку ли она допустила, не списавшись с ними!

Она вошла во двор одноэтажного Петниного домика, поднялась на крыльцо, постучала в дощатую дверь. Все вокруг казалось ей до боли знакомым, точно таким, как и описывал Петья, когда в те памятные ночи шла у них речка о будущей жизни: и деревянный домишко, и шкелода с коньком на калитке, и вымощенные кирпичом дорожки от калитки к крыльцу, и три дубовых порога...

Дверь ей открыла Ирина Ивановна — мешковатом халате из темной ткани, в стоптанных матерчатых туфлях. Нину поразили ее глаза — голубышки небывалой, широко раскрытые, добрые и усталые. И руки — руки вековой труженицы, морщинистые, с сильными пальцами.

— Вам кого, девушка? — очень тихо спросила она.

— Здравствуете, Ирина Ивановна, — скорее подумала, чем произнесла Нина, чуть-чуть пошевелив губами. Но едва Ирина Ивановна услышала эти слова, как тотчас же мысленно перечтала последние письмо сына. Она не произнесла ни слова в ответ, а лишь прижала к груди ладонь и тихо всхлинула, словно ей перехватило дыхание.

— Здравствуете, Ирина Ивановна, — повторила Нина. Ей показалось, что она опять скаталась с тех тек, что ее не слышит. Попыталась повысить голос, но это ей не удалось, и она произнесла как могла:

— Здравствуете... Я Нина... Вашего Пети Нина... Я знаю, он там жив...!

И совершенно неожиданно для себя, сквозь слезы, добавила:

— Кроме вас, у меня никого нет... Принимите меня... Только я не одна...

Ирина Ивановна не сразу поняла эту последнюю фразу и догадалась, что Нина ждала ребенка, только через неделю или две после ее приезда, после откровенного разговора на порогах крыльца. И когда подумала, что этот ребенок — ее внук, жилая плоть ее Пети, она пережила ни с чем не сравнимую радость, минуты, очень похожие на те, какие переживала Шура, когда в девичьи годы, будучи влюбленной, узнавала, что у нее будет ребенок. Ей стало страшно, когда она тут же подумала, что Нина может уехать. Это страх исчез лишь тогда, когда Нина сказала, что Нине, собственно, и ехать-то некуда. Ее отец — поранник — был

убит при артепале на заставу в первое же утро войны, а мать и десятилетние братишка, проживавшие в селе Солнечном, Витебской области, сожжены карателями в их домике, как и десятки других семей, повинных только в том, что они искренне верили, что оккупация — явление временное, что Красная Армия непременно вернется, а значит, вернется и тот образ жизни, который принесла людям Советская власть.

...Вот так и вошла Нина в семью Голубевых. И стала Ниной Голубевой. С Шурой и Валею, школьниками, подружилась быстро. И когда в самом начале июля появился на белый свет маленький Петья, то в старенький домик словно вошла новая жизнь — ее радостями и горестями, волнениями и заботами.

А Нина! Она и после рождения сына продолжала жить и жила вечной памятью о недолгих минутах счастья, о своей неизмеримой любви.

Сын рос. Ходил в школу. А однажды летом уехал в краевую четину и поступил в Инженерный институт. Теперь в домике на Оке его видели все речке и реке, разве в каньоны, да и то не всегда. Только Нина как-то не верила, что вот ее сын уже стал старшей своего отца и вроде бы все меньше походил на того мальчика. И все же всякий раз, когда она слышала его голос, перед ней вставал образ ее Пети, двадцатидухилетний лейтенант Петр Голубев. Она и хотела бы погасить воспоминания, но чем чаще думала об этом, тем сильнее убеждалась, что такая попытка воспоминания — это, видимо, ее судьба, то, чем наградила ее жизнь за минуты счастья. И она смирилась с этой мыслью, а потом, незаметно для себя, все чаще ощущала, что в своих воспоминаниях мысленно встречается с единственным избранныком, как с живым человеком, от которого исходит тепло, согревающее душу, свет, рассеивающий туман, безразличия, безотчетная, чистая радость.

В послесвоенную пору она не встретила никого, кто мог бы ей стать дорожкой того человека, что всегда был живым в ее памяти, не вышла замуж вторично, хотя не раз высказывала предложениям от мужчин, которых уважала. Она была убеждена, что как бы ни был похож на отца ее мальчик, как бы ни напоминал ее внешнею облик, она не могла вернуться и разговаривать, он все-таки рос без отца и его настроение целиком зависело от нее, только от нее одной. Она знала, что где-то в глубинах души он скрывает нежившуюся рвану безотчетность, и, зная это, стремилась доставить сыну хоть какие-то маленькие радости.

...Она не баловала его подарками, не паскала чрезмерно, как это делала бабушка, но уже то, что никогда не повышала голоса и радовалась его школьным, а потом и вузовским успехам, а в более зрелые годы была в курсе всех его дел, вносило в их отношения искренность, отзывчивость, желание открыть душу.

Вскоре после рождения Пети, посоветовавшись с Ириной Ивановной и Ниней Голубевой, работавшей в библиотеке, она решила заняться работой. Правда, не по специальности. Она не вернулась к медицине и многие годы работала библиотекарем во Дворце культуры местного Окского машиностроительного завода. Увлек-

ласс этой работой, полюбила книгу, в особенности художественную. В героях полюбившихся ей книг она находила, как ей казалось, множество таких черт характера, которые в своей яркости наша у Пети. Впрочем, может быть, это были и такие черты характера, которыми в течение последующих лет она сама наградила Петю, обограничивая любые воображаемые его поступки и мысленно повторяя сохранившиеся где-то глубоко-глубоко в ее сознании дорожки для нее слова. Она нарочно сроднилась с семей милой, с правых горок на голубой Оке, где он родился и вырос, и вроде бы даже стала хозяйкой в доме. Здоровье у нее было отнюдь не богатырское, к тому же ее чаще напоминало о себе распоротое окошко, чиня плечо.

И когда годы подошли к пятидесяти пяти, Нина Георгиевна, по настоянию сына Петра Петровича Голубева (по окончании института он вернулся в родной городок и работал на местном машиностроительном — сначала мастером, затем начальником цеха, а в последние годы и главным инженером) попросила на пенсию. Отпустили ее не сразу. Но в конце 1978 года все же проводили, как все повторяли вокруг, она заслуженный отдых. Директор завода, с которым она никогда не встречалась, хотя и проработала в библиотеке в течение тридцати лет, прислал ей очень теплое, даже трогательное письмо, в котором благодарил ее за «кратные подвиги и мирный труд» и за все минувшие годы прерывавшую пущую на курорт.

Она не сразу поняла, что означала для нее эта путевка и что за отдых ожидал ее там, в совершенно неизвестном ей городке со странным названием Юрма.

...Нина Георгиевна приехала в Юргу тридцатью поездом, робко вышла из вагона, не зная, как будет дальше. Оказалось, однако, что ее, как и других отдыхающих, здесь встречали милые приветливые люди. Они поздравляли ее с прибытием, помогли поднести чемодан к автобусу и как-то очень уж быстро доставили к самым дверям санатория. Ее поместили в отдельной палате на втором этаже, рассказали о санаторных порядках — все это с шуточками, со смешком, с желанием поскорее освободить гостя от стеснительности и неосведомленности.

Первый курортный день, как бы хорошо он ни был начет, всегда кажется бесконечным. Тем более таким представляется он человеку, который никогда не бывал на курортах. Позавтракав, Нина Георгиевна вышла из санатория и сразу же оказалась в Приморском парке. Высокие, от земли до верхних ветвей покрытые жаркой золотой чешуей мохнатые сосны и ели стояли слева и справа от асфальтовой дороги, по которой она шла. Где-то, за их стройными рядами, поблескивал песчаный пляж, на песок набегали морские волны. Сердце у нее соклось. Вспомнилось, что еще когда получала санаторную путевку, подумала, не была ли она в войну вместе со своим полковым госпиталем в тех местах, куда ей пред-

стояло теперь отправиться! В памяти не сохранилось ни названий тех мест, ни их вида. Перед глазами маячили только тяжелые брезентовые палатки в туман лесу, где она ожидала первую помощь раненым бойцам или ассистировала при операциях. Все тогда было в дыму, в огне, в грохоте не такого уж далекого боя, и море за песчаными дюнами казалось не голубым и не синим, а медно-красным и темно-фиолетовым. Единственное, что не гасло, не тусклоло в воспоминаниях, это густо-зеленые сосны, в которых солдаты прятались, а Петю, и высоченные сосны, стояли их под восходящим солнцем словно бы пылали жарким пламенем.

Нина Георгиевна понимала, что в смерти Пети Голубева она не была виновата, но вот и их сыну уже шел тридцать четвертый год, а она неидеально с собой винула в смерти отца только себя, «все, что было бы иначе, — думала она, — если бы он ушел от меня не в четыре утра, а часов в одиннадцать вечера». Возникла всегда внезапно, в дневные часы — у стеллажей с книгами о войне, а по вечерам — в редкие минуты житейских разговоров с сыном, воспоминания о последнем их свидании не давали ей покоя. Может быть, именно поэтому Нина Георгиевна никогда и не думала о том, чтобы как-то устроить свою судьбу. Даже тогда, когда сын на десять лет перерос отца и его удивительное сходство с ним стало сплываться, исчезать. Кандидат технических наук, главный инженер завода, отец двух детей — внучат Нины Георгиевны, он, конечно же, незаметно терял те черты лица и характера, которые так роднили его с отцом.

Нина Георгиевна все острее переживала и это обстоятельство, просто забывая, что и она далеко уже не та, двадцатилетняя сестра милосердия, полюбившая однажды и на всю жизнь. Как и в первые часы и дни после гибели мужа, она неизменно повторяла про себя одну и ту же вопрос: «Зачем я отпустила его лишь утром!» И не находила ответа. Только все сильнее болела голова, раскислялись, и тугаво-вопрос и восторг, выплывала истощенная соскисшими сапогами обширная поляна, окймленная истерзанными снурками соснами. Видение это долго, очень долго не проходило. И никакие лекарства не помогали...

Курортные дни не только быстройтекущи, но и однообразны. Все по расписанию: и питание, и лечебные процедуры, и неизменное eveningение кино. Правда, послеобеденный мертвый час, не для всех обязательный, позволял Нине Георгиевне оставаться наедине с собой, совершать нетерпеливые прогулки по Приморскому парку и его окрестностям. В тенистом, ухоженном курортном городке, заполненном изысканно одетыми, веселыми людьми, ей, одинокой пожилой женщине, обычно было и неуютно и тоскливо. Несомненно, на настроении сказывалась еще и тугостное ощущение стенокардии со всеми присущими ей симптомами.

Шла третья неделя ее курортной жизни, но и

сегодня ей опять захотелось уйти с тротуара в сторону, присесть хотя бы на минутку. И она облобызала кафе «Ветерок» — простенькое, всего пятидесятые столы, выходящие в сторону, фаворкой и разного рода печенье в ваочках за тугским столиком. Выпила чашку кофе со сливками, села булочку, раскислаась с обжаренной сосиской, которую не притягивал улыбка и словом «спасибо».

Но рядом был все тот же Приморский парк с павильонами для игр и аттракционами, идти туда не хотелось. Она повернула в сторону, на улицу Иомаса, узкую, тесную, торговую, заполненную людьми в любое время дня. Прошла универсам «Майор», открытый со всех сторон уютному шуму и солнцу. В универсаме было душно, от расперанных женщин-покупательниц несло потом, помадой, дешевыми духами, и она поспешила выйти на воздух. Повернула направо, и пошла к морю, по тротуару из бетонных плит, проложенному так, что стоявшие здесь столетние сосны оказались нетронутыми.

Пляжи были переполнены загорающими, обнаженными, казалось, потерявшими всякий стыд мужичками и женщинами. Море, как всегда, было холодным, но песок вдоль береговой линии показывал ей алмазы и теплым, немало кем вырваным взором от колес грузовичка, развозившего по пляжу минеральную и фруктовую воду.

Матеря в пятидесяти от морской кромки за высокими песчаными дюнами шумел лес. Она поднялась по песчаной круче, прошла лесом километр-другой, устала, устроилась в тени под сосной, закрыла глаза и сразу же открыла их.

Боже мой, да она же шла той самой тропкой, которой когда-то шел от нее Петя, и пришла на тот же обширный пляж, неподвижно, от которой он погуб. На орнаменты стояла окружающую полосу сосен видны, как и тогда, сверкающие под солнцем густые капли смолы. Уж не они ли заставляли сердце билиться все боленнее, а плечи и спину потовато вырваться из груди, разлетаться не мелкие части, вспыхнуть и сгореть!

...Ее подняли с земли совсем неизвестно кому, дукали в рот какую-то таблетку с острым металлическим вкусом, влили в рот то ли боржом, то ли воду. Ей стало чуть легче.

...Простите, пожалуйте, — прошептала она — Мне ладно показалось.

Она уже не могла рассказать, какие воспоминания вызвали у нее эти сосны, облитые брызгами в солнце золотистой смолой. И как-то очень уж спокойно, преодолевая ощущение режущей боли в груди, попросила помощь ей добраться до санатория. На ее просьбу сразу же отозвался стоявший рядом мужичок и женщина. Оказалось, однако, что она не может идти. Тогда кто-то побежал к телефонной будке, а кто-то в ближайший медицинский пункт.

Минут через тридцать, уже в палате санатория, заволампевшие врачи измерили у нее кровяное давление, попеременно выслушивали сердце, считали пульс. Ей сказали: все в порядке, дорога, все в порядке, лежите спокойно и не двигайтесь. Она лежала с острой болью — уже не в груди, а в плече и позвоночнике. Лежала, смежая глаза, и чуть слышно прошептала только об одном: — Не беспокойте сына...

...Через день или два после похорон матери Петр Петрович Голубев занялся нелегким для души, да и просто уютным делом — оставшаяся после нее комната. В комнате было очень много книг. Им были заполнены книжные шкафы и этажерки, они стопками возвышались на письменном столе и полках. И даже на стульях лежали книги.

Книги Нина Георгиевна любила, берегла их, постоянно делала какие-то выписки — комната матери всегда казалась сыну продолжением записной книжки.

Но в комнате — у самой двери — стояла еще тяжелый платный шкаф: правая его сторона была занята одеждой, а слева его полки были забиты пухлыми латками, на которых не было никаких надписей и содержимое которых было известно только матери.

Первая же палка, которую Петр Петрович снял с полки шкафа и открыл, застала его

полюблеть: в ней хранилась аккуратно сложенная, однако отнюдь не глаженая и не стирная гимнастерка с погонами младшего лейтенанта. И только подоконник, на котором лежала гимнастерка, хотя и нес на себе следы многих лет хранения, казался совсем свежим, только что подшитым чьи-то умелыми руками. Здесь же в самодельном конверте находилась потемневшая от времени медаль «За отвагу» и удостоверение к ней. В сложенном четверть листочке пергаментной бумаги оказался прядь выхисших светлых волос.

Столь тщательно хранившиеся матерью реликвии далеких военных лет для Петра Редкиных были полной неожиданностью, словно он без разрешения открыл давно и наглухо закрытую дверь или прочитал не предназначенное для огласки, очень личное письмо. Он знал, конечно, что у матери где-то хранились личные вещи отца. Кажется, много лет назад, когда он был еще мальчком, мать давала ему отцовскую пилотку. Но все это было давно, очень давно, когда рассказ матери о гибели отца вызывал в душе только обиду и страх.

В следующей папке, старательно перевязанной шелковой ленточкой, Петр Петрович обнаружил несколько школьных тетрадей отца и основательно испорченную его записную книжку, содержащую дневниковые записки, начиная с августа 1941 года. На последней странице записной книжки он прочитал короткие строки о «незабываемой встрече» отца с медсестрой сестрой Ниной Глаголевой. А в одной из школьных тетрадей нашел тщательно выписанное, но, видимо, так и не отправленное заявление, датированное 20 июня 1941 года и адресованное Петром Голубевым, гражданином СССР, 1923 года рождения, в краевой центр, в Инженерный институт, с просьбой допустить его «как члена абитуриента и участника в предстоящих приемных экзаменах». К заявлению были приложены простенькие фотографии совсем юного, безусого, восемнадцатилетнего отца. Здесь же хранились и девические фотографии матери. Никогда еще он не видел таких фотографий отца и матери — выцветших, пожелтевших, но сохранивших лица без единой морщинки, их пухлые глаза и пышные волосы!

Петр Петрович начал читать отца живым. Отец всегда рисовался ему таким, каким он выглядел на большой, скверно выключенной фотографии, висящей в гостиной рядом с такой же большой фотографией матери. И так как мать в последние годы жизни, казалось, уже ничем не напоминала ту полную, юзговатую девушку, что была изображена на предельно увеличенной фотографии в гостиной, то Петр Петрович внутренне был убежден, что и отец, вероятно, тоже был другим и ничем не походил на того красивого, белокурого парня, который смотрел в комнату с большой стрелой фотографии в дверях-рамке.

— Неужели это ты? — спросила вошедшая в комнату жена Петра Петровича, увидев в его руках старые фотографии.

— Я так похож на моего отца — ответил он, оторвав взгляд от фотографий.

Но это же вылитый ты, каким был... — шептала жена. — Каким был, ну, в юности, что ли...

— Если бы ты знала, — задумчиво произнес Петр Петрович, — как мне сейчас хочется, чтобы ты сложилась, не исчезла с годами и сохранилась во всем... Во всем... Ты меня понимаешь?..

Я побывал в Юрмале минувшим летом. На ее песчаной пляж гуляли, загорали, радовались жизни, набравшись сотни тысяч мужчин и женщин, для которых бы войны стали далекой, очень далекой было, воспоминаниями ветеранов, книгами историков-мемуаристов, батальными фильмами.

Но, как и десятилетия назад, здесь подарили небо вестисте, богатырские сосны. Шумели, пенились, накатывались на берег, зеленые волны Рижского залива.

Слов нет, мне уже никогда не встретить здесь моих друзей Петю и Нину Голубевых. Никогда. Но с их сыном, Петром Петровичем Голубевым, я повстречусь непременно. Повстречусь здесь, под тихим маршиком соснам, на песчаном берегу холодного моря.

А. АЛЬ-ХАМИСИ

ВЕНЕЦИАНСКИЕ ТИТАНЕРИ

«В каждой клеточке тела моего и каждой каплей крови обещаю, что жизнь свою народу посвящаю» — эти строки из стихотворения «Авваста» — иранской нравоучительной поэмы А. аль-Хамиси. Оно, словно луч лазера, пронизывает и освещает творчество этого большого художника, который сотворил является крупнейшим прогрессивным поэтом арабского Востока; и сегодня, соетая в себе немую лирику и высокую гражданственность, оно открывает светлое, оптимистическое восприятие жизни, глубокую убежденность поэта в правоте и конечной победе народного дела.

Аль-Хамиси — писатель-борец. Его творчество связано всегда тесно связано с его патристическо-националистической и агрессивной в имманентности поэтикой, которая, етсь в горниле этой битвы: и в партизанских рядах непосредственно сражающихся в ополчении, защищающих Суэцкий канал; и на горюхх сменых борцов, которые, не любивших угроз королевской охранки, добились создания Египетского национального комитета мира.

В нашей стране хорошо известно имя Абд ар-Рахмана аль-Хамиси, одного из ставленников из Арабского Востока, для укрепления арабско-советских дружбы. Произведения аль-Хамиси печатаются у нас много раз и в журналах, и в газетах, и в различных антологиях; известны также переводы его новелл и стихов на французском, английском, иранском и вьетнамском языках. И где бы нас ни сводила судьба — будь то в Ливане, Иране, Ливии или у нас в Москве — о нем бы мы говорили, Абд ар-Рахман с его неизменной горничностью восклицает: «Не могу я жить без воздуха Египта, без воздуха моего народа!»

Г. Ш. ШРАФЕТОВ,
доктор филологических наук

●

О мрак!

На неприглядные пространства

Твоих глухих полных площадей

Вползает нескончаемое время

И медными холодными губами

Выскашивает жар людских сердец.

Оно, руины прошлого покинув,

Рвет для себя грядущий цветы.

О мрак! О волны времени — немые,

Кричащие, бушующие, тешно

Грозится бы Египетский музей

Стереть с лица земли прибрежью злым.

О мрак!

Пусть чернота твоих валов

Отхлынет от незбылемых порогов

И время, этот гордый великан,

В отчаяние бессильно превратится

В дрожащего, испуганного гнома:

Здесь вечность спит,

Здесь мушкет лежат!

Похуже, лишь мгновение назад

Они сомкнули вежды,

И столетия

И тысячи в туман ушедших лет

Исчезли, не оставив и следа

На их чертах, локом осененных.

Они живут и вечно будут жить —

Неведомые дремлющие тайны

Далеких фараоновых эпох.

Здесь в саркофаге — тело Титшери,

Царицы мумии древнего народа.

Ни солнца расклеванные лучи,

Ни котлы мрак,

Ни кланы столетий

Ее чела святого не коснулись.

Она лежит, исполнена величья,

Спокойное достоинство князя,

Как чудо неземного совершенства,

Неугасимый излучае свет.

●

Светильники бессонными глазами

Глядят во тьму с высоких сводов зал,

Безлюдные ноче, как гулкий мармор,

И в тишине звучит, не умолкая,

Охраняя разразившая посыл.

Он бродит, перемалывая время,

Не ведая, что сак уже затанут

В зубах неумолчивых шестерен.

Вдруг свет затрепетал, и вспалили

По стенам обезумевшие тени:

Они оставшей вольчей стави
Метались, раскисли и шибнели,
Сплета тьму в косматые клубки.
И ветер застался, как ополкский
Копьем пронзенный зверь...

●

Застыл озранчик,
Как извасе страхи. Из обронт
От узав глаза его полезли,
И синий дым туманными пластинами
Поплыл над затронутыми лицом.
Робот женский призрак в царских

оденьях
Из саркофага медленно встает,
Искал к нему...

— Да что же это, боже! —
Шептал дрожащий старик —
Неужели не брежу я?

Желю наву
Со мною это что происходит?
Ему в ответ под сводами музея
Раздавался голос мушкет воскреших:

— Зацем, сынок, дрожишь ты от испуга,
Косишь в ледяных порывах бурн!
Спокоен буди и знай, что не для зла
Мой скорбный дух встал из саркофага.

Воскликнул страж:
«Воздух мнем сместился
Понтия, прищипав доскелсы».

И словно краски на холсте безумца,
Смешались мысли...

Как же ты смога
Пробраться в этот мир, пройди сквозь стены
Тысячелетий, разделивших нас?

Скажи, возможно ли нам узреть былое,
Назад колеса времени крута?
— Мой сын, — прошепел нездешний

шепот —
Не мы ли сами вернее создаем?
Горький сон, вчера еще дремавший
Во чреве неразрушенной земли,
Струится в столбах нынешних растений

И ароматом поит их цветы.
Ведь то, что есть, что было и что будет —
Лепится части нехотанной взором жизни.

Возмолвил старик:
— Стинь, вернись скорее
На ложе опустевшее сна.

Имею голову не убежденная нем.
Ведь я приставил твой покой хранить.
Царица отвечала:
— В этот мир,
Ладью восскрешения влеком,

Я возвратилась из пучины смерти,
Чтоб отыскать познание. Есмь
Ты лишь хранитель мой, а не творец,
Скажи мне, как безвестная рука
Смогла мне во сне отграбить дерзко!
Забрела окрестники:
— Нынче ночью
Я перестал что-либо понимать.
Я верю не могу.
Во верить — страшно
Всему, что я здесь видел и слышал.
Когда б не навагу проскочило эхо,
Я подумал бы, что ты...
Что ты...
О, не томи, скажи мне, кто ты?
— Как жаль, сынок, что ты меня не знаешь.
Я Титишери...
Превратившись в слугу,
Охраняя покой про все на свете:
Минувшее величие манило
И легкой кистью надежды светлой
Скрывало боль сегодняшнего дня.
Лета на крыльях времени и слыша
Гул прошлого в ушах, он жадно пыл
Истории хмельной и жаркий шепот...

Ночь покрывала черными крылами
Безмолвное унывшее пространство.
Но птицы вступившиеся зарю
Клевали тьму и клоном золоченым
Ее изрушали. Хлинуя свет,
Кругами раскрасили по поднебесью.
От грез очнулись сторож:
— Госпожа!
Заря вот-вот рукою золотую
Нам миром очна свету распахнет.
Вернись скорей на ложе!
Титишери ответила:
— Я не вернусь, пока
Не заручуся укрепленьем. Долго
Плыла и на радце из моря мертвых,
Чтоб отыскать похищенный венец.
— Какой еще венец?
— Венец свободы.
И Титишери дамылась к дверям.

Охранник непослушную рукою
Принцился ей вслепид из пистолета,
Но обернул вдруг, увидев, что она
Парит, ногами пола не касаясь.
И тихо удаляется — и вот
Уже в рассветной дымке растворилась...

Заря прядет серебряные нити,
Опущены ими шар земной.
Заря берет вселенную в объятия,
Высвечивая суть вещей, доселе
Неведомых, незаданных, сократых.
Плывя сквозь волны радужного утра,
Казалась птицей сказочной царица,
Волшебной птицей в солнечных лучах.
Кинув под небо рыцарю колпачок...
Вдруг женщину летящую увидел
Один феллах,
За ним другой, и вот
Во все глаза уже смотрели люди.
На медленной царюшине погет.
— Кто это, — раздавался голос, —
Колдунья или жертва заклинаний?
Из этого дым мира ли отуда.
Из зыбкой дали песен и легенд?
Да кто же она?
И молвила тогда,
В толпу сплуснув, воскрешая царца:
«Не думо, зва я послана была.
Я Титишери, женщина простая,
Здесь ветвь мой шевела и зеленела
Тому тысячелетия назад.
Здесь фараон мою красотою
Пленится и к себе меня приблизил,
И стала я царицей и женой.
В те времена невольником Египет,
Давно уже не веря и забывален,
Под игом гисков дин свои авалил.

Мне не забыть той траурной годины:
Когда захватчик топчет землю предков,
Тогда страдания душу превращают
В приют для сотен тысяч угнетенных,
И этот мир, казавшийся невестой,
Смеявшейся в полуденных лучах,

Предстанет как поруганное тело,
Без погребения брошенное в пыль.
Ветра отчизны тление наполнит,
И черным солнцем труп непогребенный
Выйдет над истерзанной страной.
Когда захватчик топчет землю предков,
Как склеп, в котором мы скорбим о павших,
Тяжел и низок серый небосвод.
Мне не забыть той траурной годины...
Чтоб выстоять, нам нужно было вырвать
Из душ людской покорности шпыли.
Тогда я встала рядом с фараоном,
И гулками удара забавы
Я свой народ на битву подняла.
Две армии сошлись,
И все смешалось,
Как волны штормового океана,
И долго длилась яростная битва
Во имя чести нашей и свободы.
Пав фараон...
Над надломом сражения
Всплывали трупы тысяч египтян,
И раненых не умоляли слезы.
Сметенные прибоем поражения,
Остатки наших войск, толпа убитых,
Безжалки, и позора черный саван
Одел наш мир...
В молчании феллахи
Царицу древних слушали. Она
Из утробы в свой мир полузабытый.
Царица продолжала:
— Зерна гнева,
Тяся до срока, зрели в глубине
Их утробы и горя. Я жила
Святою верой в скорую победу:
Я повторила сыну своему,
Что небеса распахнуты для птиц,
Летящих в свете утренней зары.
Что жизнь ее — в ликующем полете.
Но лишь тогда рождает песню радость,
Когда свободна птица и воля,
Ей эта радость сердце наполняет
И силы для полета придает.
Мой сын был воспоминанием отщепенца,
И корни глубоко в его душе
Мечта освобождения пустила.

— И запылала новая война
И унесла единственного сына...
И вновь бросили волны поражения
Остатки наших войск на берега,
И снова, словно саван, марк позора
Одел наш мир.
Но снова зерна гнева,
Тяся до срока, зрели в глубине
Отчаянья. И снова я жила
Святою верой в ближнюю победу.
Я горе материнское в груди
Несла, как меч отточенный. Он ранил
Мне сердце. Боль была напоминанием
О близости решающего дня.
Я выжила.
Я вырастила внука.
И как настал: от имени народа
Я боевой ем вручила щит,
Щит дед и отца.
Я воспитала
В нем волю к жизни и презренье к смерти...
И вот мой Ахмоз в бой повел народ.
Он шел вперед, без опасости раз,
А следом плыли светлые знамена
Страны, освобожденной от оков.
Мы кровью нашей смыли в этой битве
С чела страны позорные следы...
Толпа качнулась.
В ней раздался гул,
Как в недрах оживающего вулкана,
И крики раздвинулись:
— Буда славен, Ахмоз!
— Да здравствует герой былых времен!
— Да озарит он нынешний Египет
Сияньем древней славы!
Титишери в толпу смотрела, словно

из-за дымок

Тысячелетий, но ее лицо
Светило людям новою надеждой.
Она сказала:
— Если радость птицей
Поет в душе, то миллионы птиц
Царить в синеве небес свободны,
В цветы одевая, наваяв пустыни,
И радостно шаги солдат заучили,
С победою возвращуясь домой.
Слова бессильны были бы повелевать,
Как Билос сердце в те мгновения счастья,
В тот славный день...

Царица замолчала.
Толпа кричала:
— Дашель! Говори!
И Титишери продолжила повесть:
— В дни праздника победы должной
Народ мне даровал венец свободы.
Я зашевелила от символов славы,
Могущества и гордости страны
Оставить мне, чтобы он и после смерти
Положен был близ сердца моего.
Но кто венец похищен! Кто-то предал
Былую славу Древнего Египта
И продал торжествующим врагам.
Венец свободы — это дар народа
И потому ему принадлежит
Во все века!
Ладною воскресенья
Я для того сюда пришла,
Чтоб возвратить исконное роду.

— Смерть негодям! — раздалась в рядах.
Толпа, качнувшись, грозно загудела,
А над людьми, над плещущей все выше
Взлетала невестинская фигура
Царицы Титишери...

В тот же день
Полница недремлющая знала
О происшедшем. В тот же день указ
Был издан об аресте Титишери
И о передаче талисману сауду
За речн, подстрекающие к бунту.

Царица опустилась в Асуане,
И тысячи собравшихся рабочих
Успышали из уст ее о том,
Что родины ограбление воры
Возмездия еще не понесли.
Ее слова над плещущей заветной:
— Ветры позора дуют от Синая,
Зловещий дым клубится над страной
И застит взоры черной тлетою.
Яд унынья в души к вам проник,
И эти сердца вам точит дым и ночью!

Отряды полицейских ворвались
В площадь и, царицу окружая,
Колпачок скинули.
Грудью на штыки
Пошли тогда рабочие, и схватка
Водоворотом грозным закипела,
И первые убитые упали...

В десятках мест царица появлялась,
И речь ее звучала, как набат:
— Когда захватчик топчет землю предков
В технички превращаются сады,
И солнце уводит на глаза,
И солнце желтый, смерзающий лимон,
В сердцах сочится горькой кислотой.
Под саваном скрывается луна,
И вслуду давит тьмистою синицовой,
И каждый вздох, как острое копы,
Пронзает грудь...

Ее хотят схватить. Но Титишери,
Все в новых появляясь городах,
На площадях, на людных переулках
Народ говорит лишь об одном,
Слезам сердце души обняло:
О радости побед, добычи кровью,
О жертвах, принесенных на алтарь
Святой свободы, об изгнании гисков.
И повторяет вскоду вновь и вновь:
«Венец свободы — это дар народа,
Побегом зеленению надежды
Он вырастет над марком и позором.
Подарит радость мира и любви.
В нем каждый человек — символ миллионных
Сражаний, скорбей и любящих...
Он память о героях, павших в битве
За честь родной земли, за востановить их!

Перевел с арабского
С. ГОЛУБЕВ.

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»
Фото автора

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕ

Моя поездка по Норвегии совпала со знаменательными днями: страна торжественно отмечала 35-летие освобождения Северной Норвегии Советской Армией. В конце октября 1944 года войска 14-й армии Карельского фронта во взаимодействии с Северным флотом осуществили Петсамо-Киркенесскую операцию и освободили северную норвежскую провинцию Финмарк. Этот северный край гранитных скал гитлеровцы считали неприступным, а наш солдат, преодолев все трудности и отчаянное сопротивление, освободил Финмарк более чем за полгода до того, как фашисты капитулировали в других районах страны.

Я был в этом краю. Там до сих пор помнят, как тогда укрепились гитлеровцы, как эсэсовские дивизии расстреливали удержавшие свои, казавшиеся бы, неприступные позиции. Я слушал рассказы очевидцев о героизме наших бойцов. Я видел могилы наших героев, павших за освобождение Норвегии. И я читал надгробия на убогих, покрытых цветами памятниках советским солдатам и офицерам: «Мы пали в борьбе за всех нас», «Воздвигнут благодарными норвежцами в память о советских солдатах, павших в Ругелане в борьбе за свободу и справедливость в 1941—1945 годах» (на памятнике советским воинам в Ставангере); «Норвегия благодарит всех (на памятнике, установленном на кладбище в Осло).

Приведенные выше надписи нуждаются в разъяснении. Откуда эти памятники на могилах наших бойцов в Ставангере в провинции Ругелане? Она расположена на северо-западе полуострова Финмарк. А дело в том, что в Норвегии активно действовало движение Сопротивления, в ряды которого пришло немало солдат и офицеров, бежавших из фашистской неволи. До сих пор норвежцы вспоминают, что они были самыми стойкими и умелыми в норвежских партизанских отрядах. И до сих пор в народе рассказывают, как простые норвежцы всегда стремились облегчить участь наших военнопленных, томившихся в фашистских концлагерях.

Вместе с работниками нашего посольства и советской делегацией, прибывшей на раздвинутое 35-летие освобождения Северной Норвегии Советской Армией, я совершил незабываемую поездку в прошлое и в то же время в настоящее, еще и еще раз подтверждавшие прочность дружеских уз, связывающих обе наши страны в годы совместной борьбы с фашизмом. От Осло мы ехали по обычному шоссе чуть больше двух часов до города Шена, а оттуда добрались около часа по лесной и горной дороге до местечка Валбё. Здесь не было войны, но был концлагерь. Его обитатели — советские военнопленные валили лес на склонах гор. Сегодня от концлагеря ничего не осталось, ни следа. Но на небольшом местном кладбище между двух елочек стоит памятник двум нашим солдатам, погибшим в фашистской неволе. Местные жители не только похоронили их на своем кладбище, но сделали эту дорогу им могилу местом традиционного паломничества, символом дружбы обеих наших народов. Ежегодно 1 мая километр за два от кладбища собирается местное население — и стар и млад. Со знаменами и цветами народ идет к могилам советских воинов.

Еще подымажая к кладбищу, мы увидели у входа норвежский и советский флаги на двух высоких флагштоках. Могилы, а затем на местечке бывшего концлагеря местные старожилы рассказывали нам о том, как они помогали, чем могли, нашим военнопленным, как они свято хранят память о жертвах борьбы с фашизмом.

В дни моего пребывания в Норвегии там показывали по телевидению многосерийный фильм о Великой Отечественной войне. Он вызвал огромный интерес. У кого бы из норвежцев я ни спросил, каждый обязательно смотрел его. Такой интерес объясняется не только общей борьбой против немецкого фашизма. История распространялась так, что за тысяч лет отношений между нашими странами ни разу не омрачались какими-либо военными конфликтами. Еще в XI—XIII веках наши поморы вели торговлю с населением Северной Норвегии. Дочь новгородского князя Ярославла Муромого была норвежской королевой.

Давние взаимные симпатии связывают нас в области культуры. Как и в Норвегии, у нас, пожалуй, трудно найти человека, который не знал бы Грига и Ибсена, Андерсена, Амундсена, Тура Хейердала...

Норвежцы знают и любят великих деятелей наших стран, которые живут в сердце каждого русского человека.

Хожу я по улицам Осло, разглядываю театральные афиши: Горький — «Дети солнца», Чехов — «Вишневый сад»... При мне проходила традиционная неделя советского кино, и я видел, с каким интересом и пониманием воспринимал норвежский зритель и современные наши фильмы и экранизации русских классиков. Уже сагистическая церемония открытия недели показала, каким большим событием яви-

лась она в Норвегии. Церемонию открыл министр культуры и просвещения Эйнар Ферде, телем сказавший о развитии советско-норвежских культурных связей. За ним выступили посол СССР в Норвегии Ю. А. Кириченко и народный артист СССР И. Смоктуновский, не первый раз приехавший в Норвегию и пользующийся там большой популярностью.

Я возмущаю себя смелостью сказать, что, по-моему, актеры и симпатизеры и слушатели обеих наших стран во многом совпадают. Мне довелось проехать немало западных столиц, но, пожалуй, ни в одной из них я не встречал такой же насыщенности в театальной и музыкальной жизни, как в Осло. Причем насыщенности того же качества, что и в Москве. Судите сами. Что сегодня смотрят и слушают в Осло? О Горьком и Чехове я уже упоминал. Далее — Бернард Шоу, Ибсен, Бетховен, Моцарт, Бах, Гавель, Бивальди, Брамс, Берлиоз, Барток... Все это за три-четыре недели, тем самым, когда я жил в Осло. И еще немаловажно, что в Осло не увидишь развлекательных зрелищ низкого пошиба, каких немало в иных западных столицах.

Изложенные мною выше наблюдения и соображения — это, можно сказать, взгляд на страну с одной стороны. Есть и другая сторона.

Сегодня в Норвегии нельзя не обратить внимания на то, что определенные и весьма влиятельные круги пытаются запугать норвежцев так называемой «советской угрозой». Это своего рода норвежский вклад в общую кампанию запугивания общественности, которую ведут Пентагон и НАТО. Как известно, Норвегия — член этого агрессивного блока.

В этой связи можно припомнить нелегальную листовку с речью короля Норвегии Хокона VII по лондонскому радио 26 октября 1944 года. В ней, в частности, говорилось:

«Русская угроза» — явление не новое. Мы знаем миф о «русских лаптях» в царское время; nuovo, что пришло после русской революции — «большевистская угроза». Сейчас нет никаких доказательств, что Россия имела по отношению к Норвегии какие-либо агрессивные планы... Долг каждого норвежца — оказывать советским союзникам самую большую поддержку».

Разумные доводы, и сегодня не потерявшие своего значения! Но, повторяю, в настоящее время в стране есть немалые силы, которые действуют вопреки разуму и логике исторического развития. Стратег НАТО отводит Норвегии немаловажную роль в своих планах. Так, газета норвежских коммунистов «Фриктен» писала, что «НАТО стремится превратить Норвегию в сукопный аванпост». Уже названы аэропорты страны, которые надлежит переоборудовать для приема тяжелых американских транспортных самолетов. Это еще одна атака на норвежскую «базовую политику» (суть этой политики в том, что страна отказывается от размещения иностранных войск и ядерного оружия на своей территории в мирное время). Под провокационный шум о «советской угрозе» в Норвегии идет процесс наращивания военных расходов. На норвежской земле этой осенью прошли очередные натовские маневры. И нет ничего удивительного в том, что в такой обстановке в стране нарастают шизофренические. В крайне неумелых, бездоказательных выступлениях буржуазные органы печати пытаются опорочить наших специалистов, работающих в Норвегии, то есть пытаются сорвать сотрудничество между нашими странами и создать атмосферу «холодной войны».

Разумеется, есть в стране и иные мнения, кроме натовских. Имя в виду предложения, которые содержались в речи Л. И. Брежнев в Берлине, норвежская газета «Дагбладет» писала, что «было бы безответственно отбросить это важное предложение, и предупреждать против поспешных решений о размещении новых американских ракет в Западной Европе. Газета подчеркивала, что Норвегия следует выступить за переговоры, а не за продолжение гонимого вооружения».

Ибо, наконец, даже тенденция в подходе к современной ситуации в мире. Какая из них в Норвегии одолевает другую в противоборстве? От

Осло — Столичная набережная — Развалины древнего монастыря в Хамаре — Старые сельские дома — Нефтяная платформа.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Мальчишки — Ятсменам зима не помеха — Памятник советским воинам в Осло и возложение венков к нему.

этого во многом зависит дальнейшее развитие советско-норвежских отношений.

НЕФТЬ

Двенадцать лет назад я назвал один из своих норвежских очерков так: «За полоской этхой воды». Дело в том, что вдоль всего побережья страны цепочкой тянутся бесчисленные острова, образуют скалистые барьеры на пути морских волн. Между этими естественными барьерами и страны лежит узкая полоска этхой воды. К этой «этхой воде» добавляется безмятежная гладь бесчисленных фиордов. Подсчитано, что длина этого чрезвычайно извилистой линии, включая берега прибрежных островов, составляет около 20 тысяч километров, то есть половину окружности земного шара.

Но вот сегодня уже не назовешь очку в Норвегии так, как некогда лет назад. Раньше безмятежный покой прибрежных вод нарушали только рыбаки, сегодня здесь умирно, очку из самых уютных мест в мире строительных площадок. Да, да, строительная площадка прямо на воде. Чтобы попасть на нее, я проехал поездом из Осло на западное побережье страны, в Ставангер, а там быстрый катер за несколько минут домчал меня до цели, и взору моему предстала картина удивительная: в фиорде на воде стояло прямо-таки необорудованное сооружение из серого бетона. Вот основные его параметры: высота — 271 м, ас — 816 тысяч тонн.

Сразу бросается в глаза высота этого исполина. Она становится особенно ощутимой, когда по строительным лесам взбираешься на самый верх. И уже там, наверху, познакомившись во время долгого подъема со всей необычайной конструкцией, суммируешь свои впечатления и понимаешь, что вернее всего было бы сравнить ее с неукротимыми Эфедровыми башнями, с древними бетон, соединившими друг с другом и поставленными на воду (сооружение имеет четыре башни-опоры). Наверно на эти башни положена платформа размером с футбольное поле (114 метров на 55 метров). Потому вся эта машина и называется платформой. Предназначена она для добычи нефти в море у берегов Норвегии. Я побывал на платформе «Статфюрд-В», а платформа «Статфюрд-А» уже в море. Стоит она в 180 километрах от берега и выглядит в два раза ниже, чем в фиорде: в море чуть больше половины сооружения находится под водой, покоса на морском дне. Но все равно оно производит впечатление более ста метров бетона и стали гордо возвышающегося над морской стихией!

Нефть... Это слово сегодня в Норвегии у всех на устах. Это слово государства, добывающего нефть, Норвегия вступила довольно неожиданно. Менее чем два десятилетия назад мало кто мог предположить, что страна будет добывать и экспортировать нефть. А сегодня Норвегия уже производит нефти в 3—4 раза больше, чем ей самой необходимо. В ближайшие годы она за счет уже разведанной нефти своего континентального шельфа будет обеспечивать 10 процентов потребности Западной Европы. При этом надо учесть, что исследовано только пять процентов норвежского континентального шельфа.

Обо всем этом и о многом другом мне рассказывали руководители и специалисты нефтяного дела в Осло и Ставангере, который называют теперь «нефтяной столицей» Норвегии. Из этих бесед и встреч главное мое впечатление (личное, аналитическое, очень субъективное!) было для меня неожиданным: хозяева вдруг сваливавшегося на их голову богатства склонны преуменьшать, а не преувеличивать его, и они вовсе не торопятся немедленно обогащаться то же бы то и стало. В этом своем мнении я еще раз утвердился, почтя кое-что по этой проблеме. В брошюре «Опыт добычи нефти в Норвегии», изданной в 1979 году, специально подчеркивается, что в стране существует «широкое политическое согласие по поводу того, что развитие нефтяной промышленности должно идти умеренными темпами». Такой разумный подход, по моему, единственно правильный, — экономический и рациональный. Нефть в качестве нового фактора вошла в жизнь высокотехнологичной страны, но тем не менее ее всевозрастающая добыча порождает много проблем — политических, финансовых, технических, экологических, моральных и других. Решить все их с ходу нельзя, требуется время.

Известно, что нефтяные разработки в море во много раз дороже, чем на суше. Значит, нужны большие капитальные затраты, которые окупаются не сразу. И здесь уже не совсем уж разведанные запасы континентального шельфа играли роль счесть. Вот лишь один пример.

Сейчас ведутся работы на трех морских участках. Самая перспективная из них — Статфюрд. Именно там стоит уже платформа «А», которая отбуривает заплаты «В» и «С». По плану, когда будет добыча разведанной нефти прирост принесет к 2015 году 580 миллиардов норвежских крон (5 крон примерно равны американскому доллару). Чистый доход при этом будет равен 450 миллиардам крон, то есть 130 миллиардов рублей на капитальные затраты и расходы по добыче нефти (повторю, этот расчет ведется только по Статфюрду, а есть еще и два других месторождения). При таких астрономических затратах, естественно, возникает необходимость иностранных вложений в нефтяной бизнес. А при таком уровне вдумчивых доходов и прибылей в желанных войти в этот бизнес нет. К норвежскому континентальному шельфу устремились свои взоры крупнейшие нефтяные компании. Сегодня в добыче нефти здесь участвуют капиталы, техника и спе-

циалисты США, Англии, Франции, Бельгии, Голландии, ФРГ, Италии, Канады и Швеции. В такой ситуации, естественно, Норвегия должна заботиться о защите своих национальных интересов. Именно с этой целью в 1972 году была создана государственная компания «Статойя», а в 1978 году образовано министерство нефтяной промышленности и энергетики, которое подоточено норвежскому парламенту — стортингу.

Вслед за финансовыми проблемами (тесно переплетенными с политическими) стоит такой сложный вопрос, как концентрация современной техники и кадров высшей квалификации. Сегодня в нефтяной промышленности занято около 31 тысячи человек, из них 74 процента составляют норвежцы. Этот немалый процент объясняется тем, что нефть вышла из моря в страну непосредственно.

Да, конечно, качать нефть из океанских и морских глубин — дело не простое, но можно смело сказать, что опыт Норвегии пока что уникальней. В таких северных широтах, в таком климате нефть из-под воды еще никто не брал. Не случайно описанные мной выше нефтяная «Статфюрд-В» — самое крупное в мире сооружение такого рода. Достаточно сказать, что она рассчитана на работу при волне высотой до 31 метра! Кстати, ее дневная добыча равна 20 тысячам тонн нефти. Показательно также, что пока нефть разрабатывается только южнее 62-й параллели, поскольку климатические условия севернее этой параллели гораздо сложнее. Шли и будут большие споры по поводу нефтяных разработок в северных широтах. Но дело уже решенное — изымались, а за ними и добротники перешагнули 62-ю параллель.

И много других житейских проблем. До сих пор, имея нефтяную промышленность, я долго беседовал с Арне Реттедалом, мэром Ставангера. Он рассказывал мне, как город, издавна считавшийся центром рыбаков и морских, в течение нескольких лет превратился в «нефтяную столицу» Норвегии. До сих пор, имея нефтяную промышленность, в связи с этим перед городом проблемы успешно решались. Прежде всего процесс превращения Ставангера в «нефтяную столицу» был постепенным, при этом городские власти всегда пытались (и пытаются) активно оторваться в этот процесс. Например, сразу было строго оговорено, что все прибывающее в город специалисты и рабочие, связанные с нефтяным бизнесом, будут расселяться в разных кварталах города, а не в каком-либо одном месте. Это простое и разумное решение позволило Ставангеру безболезненно принять и ассимилировать вновь прибывших. Они как бы растворились в массе коренного населения, не войдя в него чужеродным элементом, что могло породить немало проблем. Мэр рассказывал мне и о тесном сотрудничестве городских властей с нефтяными компаниями, в том числе и иностранными. Это сотрудничество распространяется на широкий круг вопросов — от производственных и жилищных до организационных досуга.

Много внимания мэр уделял проблеме охраны окружающей среды. Богатые рыбы воды Норвегии — давнее и большое достояние страны. Не грозит ли рыба и морю в целом добыча нефти? В самом начале норвежского нефтяного этпойна произошла крупная катастрофа на платформе «Браво». Случившаяся эта беда по вине американской компании, не соблюдающей мер безопасности. Тогда в течение восьми суток из скважины был 60-метровый фонтан, который выбросил в море 32 тысячи тонн нефти, а без танкеров и без танкерского флота нефть попала в море сопряжено с риском засорить окружающую среду. Чтобы избежать этого, необходимы большие расходы и неунынный контроль со стороны специальных служб. Норвежских рыбаков особенно беспокоят планы продвижения морских нефтяных промыслов на север, за 62-ю параллель, в районы, богатые рыбой.

Здесь самое время сказать несколько слов о том, что норвежцы вообще делают по сохранению окружающей среды. И до нефтяного бума эта деятельность получила в стране широкое развитие, так что опыт уже накоплен немалый. На эту тему я беседовал с несколькими руководящими сотрудниками в министерстве по охране окружающей среды и в других учреждениях.

Во время поездки по стране я убедился в том, что об охране окружающей среды (в Норвегии, по моему, одна из красивейших в мире стран) здесь заботятся всемерно, по-государственному. При этом развитой многоотраслевой индустрии норвежцы ухитряются беречь свою природу. Запол успеха в этом сложном деле на первый взгляд очень прост: самое тесное сотрудничество тех, кто поставлен законом на охране природы, с теми, кто по роду своего бизнеса имеет отношение к окружающей среде. Именно благодаря этому взаимодоброжелательности практически не бывает штрафов за нанесение ущерба природе. Потому что, как правило, до такого ущерба дело не доходит. Контроль со стороны органов законоохраны становится настолько жестким, что грозящая опасности то или иное производство и совместно с ним ее устраняют. Для такого ведения дел нужно, разумеется, строгий поведенческий и повсеместный контроль. И он в Норвегии есть. В беседах с теми, кто заботится об окружающей среде, я узнал о первых контактах норвежских и наших специалистов, работающих в этой области. Убежден, что развитие этих контактов может принести пользу взаимную обоим.

ПРОБЛЕМЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

О советско-норвежских контактах в самых разных областях я много беседовал во время пребывания в Осло и в ходе поездок по стране. Как мне говорили многие мои собеседники, деловые люди Норвегии заинтересованы в развитии торговли с нашей страной. На необходимом советском рынке каждый из них всегда может найти то, что нужно именно его отрасли бизнеса. С другой стороны, и норвежская сторона — не исключение, высоко ценится и всегда рада, когда получает интерес для нашей страны. Этого стоит бесценный норвежский

Будет на улице * Городская скульптура * Королевские гвардейки * Столичный порт * «Купите цветочки» * Семья.

100

По мнению знающих людей, наше экономическое сотрудничество может и должно быть на более высоком уровне.

А тревожило Исаковского в 1965 году многое... И прежде всего песня, этот извечный прозякающий на берегах и в глубинах культуры России «чужак», который не только «роется» в океане жизни! Увы, уже в 60-е годы нравственно-здоровью русской песни стали угрожать вирус пошлости (к тому же раздвоенно интуитивной), безделья, а также «пустота» парадоксальной интимности. Философические портреты вместо психологических, портреты, похожие в лучшем случае на «валетов» и «дам» из заселенной колоды заигранных карт («Ах, это девушка — как будто бы родная, но ведь роднуйся с салом!»). Вспомните

Эти крылья и окрепли на ельнинской земле, в народной среде, там, где слово неотделимо от трудового и исторического сознания, где извечно звучит песня поощающая, создающая, дающая надежду. В рассказках песней стремились и отец будущего поэта Василий Назарович, печник и столяр из смоленской деревни Готовка, и его брат Дорья Гриньва, будущий поэт, а также и младший брат Иван, ставший впоследствии поэтом-ребенком... И за праздничным застольем, когда сходилась в бревенчатый дом родня, на бабьих посиделках в посёлкебоярской деревне, где и бабули, заиграли дробные, звонкие, звонкие...

A black and white portrait of a man with glasses, wearing a suit and tie, looking slightly to the right. The man has short, light-colored hair and is wearing dark-rimmed glasses. He is dressed in a dark suit jacket, a white shirt, and a dark tie. The background is dark and out of focus.

19

ЧТО НОСИТЬ ДОМА?

надеждах — сбывшись или даже несбывшись? Почему они как сказано в статье, искажают образ советского человека? Разве миллионы советских солдат не были носителями таких же самых надежд? (Примеч. у многих надежда так же не сбывалась, как у моего солдата). И то, что он тяжело переживает эту трагедию (а не переживает ее могут только неуспевающие предметы), критик называет «замыканием в мирок личных утрат и переживаний».

Вероятно, не раз возникло в душе поэта ощущение, что даже один из шедевров его лирики — стихотворение «Снова замерло все до рассвета» (1945), появившееся в основном своем смысле в составе цикла («Слова о России», «Русские женщины», «Враги сожгли родную хату», «Услышь меня, хороша!»), — задул как «древенско-молодежная», заурядно-бытовая, очерченная окolicей песня об одной гармонии и деревенском парубке-гармонисте. Но ведь и она — тревожное это войной война разрушила многие родственные, сердечные, соседские взаимоотношения, ту единую корневую систему, которая питала каждого и всех вместе. И теперь, после войны, народ «сращивает» воедино порванные нити, восстанавливает то духовное, нравственное, кровосмешение, без которого скудна доля холода и безделья жизни. Концы упираются, «сборанные нити», спутанные с другими, отыскивались не сразу. Сердечные муки того же солдата, которому порой некуда нести печаль свою, выразил поэт в задушных молеблах, стидливых просящих:

Услышь меня, хороша,
Услышь меня, красивая, —
Заря моя черечная
Любовь неутрачивай.

Конечно, и одинокая гармония, бродящая по улице где-то, — это же символ множества других историй, как птицы на пеленке, кружились, металась, восстанавливала гнездо, отыскивая давние узы родства, родники душевной теплоты.

Победа окуплена было, унистой ледолами в сердцах, огненная метель войны залетает глубоко в тело народа, обрывает такие сложные узы, что связывать их мучительно трудно:

То пойдет на поля, за ворота,
То обратно исторгнет ослеп.
То облетит из детства кто-то
И не может никак отыскать.

Поэзия Михаила Исаковского — соловьиное чудо России, давно отыскивая своих читателей, слушателей и певцов, проламывает путь в историческом сознании народа. Творения Героя Социалистического Труда М. Исаковского ныне воспринимаются родники асфальту пыла, мусор, застревают путники, чтобы вновь и вновь — заглядывать из живой, пульсирующей жизни.

У вас хорошая фигура, красивые манеры, вы обладаете врожденным изысканием — словом, природа не обошла вас своими милостями и сделала вас достаточно привлекательной женщиной. К тому же вы всегда элегантно, со вкусом одеты. Так считают ваши друзья, знакомые, сослуживцы, встречающиеся с вами в театре, на улице, в служебной обстановке. Да, сейчас уже каждая женщина, интересующаяся своим внешним видом, твердо знает, а чем ей пойти на торжественную встречу, праздничный вечер и как одеться, собравшись на работу, что взять с собой на отдых и морю и на лыжную прогулку. Но праздники бывают, как известно, не каждый день, а условия работы большинства женщин заранее определяют деловую этику одежды. К тому же мода, сериозное, точное, многосерийное явление, достаточно легкой промышленности делают нас нередко в чем-то стандартными, одиозными. А ведь мы, женщины, так не любим быть похожими друг на друга, оставляя свою индивидуальность. И вот как раз дома можно по-настоящему проявить свои индивидуальные вкусы, позволив себе даже некоторое отступление от общего направления моды. Дома женщина полноправная хозяйка. И как бы умели и были наши мужчины, без женщины жилище всегда остается чуть-чуть необитаемым, холостяцким, недостаточным уютным, теплым.

Материя, широко, свободно падающие складки светлой ткани, легкая воля кружева, пышность рассыпавшихся по плечам волос — безусловно, все это очаровательно, и каждая женщина, конечно, об этом знает, но жизнь заставляет ее засучивать рукава, подбирать под косынку свои прекрасные волосы, ввязать в руки метелку, щетку или пылесос и мыть, скрестить, тереть до тех пор, пока жилище наше не поблещит и не засияет. А вечером в доме будут гости. Их надо угостить, развлечь, не забываем ввернуть из духовки пироги, не забыть приготовить, потанцевать с застенчивым гостем, поболтать с подружкой и снова все убрать, перемыть, подмести, пригласить погладить одежду на утюг мамы, детей и себя.

Естественно, что при таком напряженном, наполненном различными событиями и делами дне каждой женщине необходим

особый домашний гардероб, позволяющий в любой ситуации сохранить свою привлекательность и обаяние. Видящий виды халат, вышедший из моды старое платье, вытершась кофточка — этот ассортимент совершенно непригоден для элегантно женщины; больше того, он совершенно недопустим для любой уважающей себя женщины. Понятно, что возможности не у всех одинаковы. Но тем не менее, покупая очередную пару туфель или новую блузку, задумайтесь, в каком состоянии ваши домашние тапочки. Чего греха таить, есть еще женщины, рассуждающие так, что им людей надо вое что бы то ни стало «надеть фасона», а дома можно перебраться кое-как. Вот и получают порой, что в полумрачном, хмурым доме ходит хозяйка в стоптанных тапочках и выцветшем, едва заправляющемся халатике. Пора нашей Золушке домашней одежде уделить особое внимание. Тем более, что это не так уж сложно.

Безусловно, скрежжет, хорошо утюженный халатик не надо предавать забвению. Он по-прежнему необходим. Удобны и брюки, так полюбившие женщинам. Только дома их хорошо носить с хлопчатобумажными, блузками более свободного распахнутого покроя, позволяющими движения при выполнении домашних дел, легко

стирающимися. Привитыми, красивыми длинными шелковыми юбками, хлопчатобумажные платья, которые легко шить самим из разных по рисунку кусков дешевой ткани, сочетая по цвету и украсив шитьем, тесьмой, лентами, вышивкой. Фартук, часто и много стирающийся, тоже можно расшить аппликациями из ярких цветов, сочных листьев или аппетитных фруктов. Складки, оборки, рюши, кружева здесь более чем уместны. Очень хороши для домашней одежды народный стиль. Национальные мотивы разных народов всегда привлекательны в одежде.

Сегодня по просьбе читателей нашей «Странички» для женщин мы публикуем конкретные модели некоторых видов домашней одежды Тагилского Дома моделей.

Этой тематикой наши талантливые модельеры занимаются давно и много, — сказала в беседе с нами заместитель главного художника ТДМ Мая Рандокова. Мы разработали два типа одежды для дома: кухонную с передниками и более нарядную для приема гостей. Два года назад мы участвовали в передаче «Хорошо вали» в передаче «Хорошо вали» радио «Дом и семья», предложившим слушателям высказать свои пожелания по вопросу о том, как должен быть одет человек дома. Писем пришло очень много и самых разных. Высылались даже мужчины. К сожалению, большинство из них предпочитает удобство даже в ущерб эстетике. Наша задача не допустить, чтобы они носили тренировочные костюмы, а женщины — оборванные неопрятный вид из-за вытигивающихся на коленях брюки. Декоративная рубашка с хлопчатобумажными рукавами, джинсовыми брюками вполне достаточны, удобны и эстетичны для дома.

Удобен женщины для приема гостей зависит от характера встречи. Для близких друзей, подружки можно одеться посвободнее. Особенно хороши в этих случаях декоративные длинные платья, украшенные цветным кружевом, шитьем. В холодной квартире удобны теплые юбки из яркой плетеной и шерстяной ткани с вязаными шалями.

Отмечая какую-либо торжественную дату или принимая мало знакомых сослуживцев мужа, следует одеться построжнее. Тут особенно удобны юбки с блузками.

В обычный день, день именин, когда хочется быть более праздничной, но ни в коем случае не театральная роль. Его можно шить из ярких блестящих атласных, вискозного шелка тканей. Этот вариант особенно хорош для молодежи. В нем вы можете прийти на дома пойти потанцевать в кафе.

Ассессоры, украшения могут быть яркими, но ни в коем случае не дорогие, хорошо сочетаться с дешевой тканью и простотой покроя домашней одежды.

И последнее напутствие женщины, стремящейся быть элегантно и дома — хозяйка всегда должна быть одета скромно, дабы не смущать никого из пришедших в ваш дом гостей.

Итак, тагилские художники Элла Пешкова, Крестина Мельникова и Мая Рандокова предлагают варианты одежды для дома. (См. последнюю страницу обложки).

Б. МОРОЗОВА

ПОВЕСТЬ-ХРОНИКА

За стойкой отеля, на которой ничего нет, кроме календаря и большой стеклянной банки с разноцветными конфетами, стоит хозяйка отеля миссис Бэсси Брюэр, женщина пожилая, небольшого роста, полная, седая, чуть голубоватыми, аккуратно уложенными волосами. Она отвечает на вопросы спокойно и держится тоже спокойно. А чего ей, собственно, волноваться? Но вся эта история она не имеет ни малейшего отношения. Мало ли людей на свете, мало ли у кого какие с чем счеты, мало ли у кого хочет убить, может быть, за дело! К ней пришли, спросили, она дала команду, вот и все. Чего же ей волноваться? Поэтому она держится спокойно и с достоинством. Кажется, она даже не без симпатии говорит о том человеке, который стрелял.

Брюэр: Это был честный, опрятный господин. Очень аккуратно подстриженные волосы. Ни чего я нем такого не было. Телом тонким, в рубашке, в сандалиях. Большие пальцы.

Вопрос: Какую комнату он у вас просил?

Брюэр: Какую-нибудь, он не назвал, какую. Я сказала, пожалуйста, вам № 8 с кухней за 10 долларов в неделю. Свободна. Но он ответил, что номер восемь не подходит, ему нужна только спальня. Кухня не обязательно. Ну, спальные комнаты свободны. Я тогда предложила пятую. Он сказал: «Вот и прекрасно». Величавый был господин!

Вопрос: Он ходил наверх осматривать комнату?

Кто же все-таки видел Джеймса Эрла Рэя в меблированных комнатах миссис Брюэр? Где же та неопровержимая доказательство, на основе которой Джеймс Эрл Рэй признал себя виновным и получил без суда 99 лет тюрьмы!

И тут на сцену выступает господин Стефенс. Полностью — Чарльз Стефенс, постоянный жилец меблиража, который, как заявлял живя, услышал звук выстрела и вышел в коридор как раз вовремя, чтобы увидеть левый профиль подсудимого, когда тот повернул вниз на лестницу.

Сенсации в Америке создаются и сменяют друг друга с такой быстротой, информация сегодняшняя настолько плотно заслоняет информацию вчерашнюю, а привычка да и необходимость жить только сегодняшним днем таковы, что забывают день вчерашний, что в массе своей американский читатель не имеет ни желания, ни возможности сопоставлять газетные сообщения, разграниченные даже более короткой временной дистанцией, чем два с половиной месяца. Может быть, поэтому никто особенно не удивился тому, что поиманный в Лондоне в 1968 году в лондонском аэропорту Джеймс Эрл Рэй несколько не был похож на свое изображение, созданное вскоре после 4 апреля 1968 года фотосъемками художником со слов Чарльза Стефенса, давнего обитателя одной из меблированных комнат миссис Брюэр.

Я в то время жил в Америке, внимательно по своим журналистским обязанностям следил за делом об убийстве Мартина Лютера Кинга,

сти объясняли это по-разному. Один говорил, что Стефенс утратил в тюрьму для того, чтобы отградить его от возможных угроз (хотя, как признавали сами представители власти, никто никогда не угрожал Стефенсу), другие заявляли, что Стефенс страдает алкоголизмом и его держат в тюрьме, чтобы сохранить до начала суда свидетеля, который мог бы опознать в Джеймсе Эрле Рэе того самого человека, который после выстрела направился из ванной комнаты на втором этаже к выходу из гостиницы миссис Брюэр.

Но истинной причиной заключения Стефенса в тюрьму, по-видимому, было желание властей отградить Стефенса не столько от возможных угроз, сколько от возможных расправ со стороны журналистов. Потому что ответы Стефенса на эти неизбежные расспросы могли сильно подорвать доверие к его свидетельским показаниям.

На портрете человека, виденного беднягой Стефенсом и нарисованного с его слов художником из ФБР, было изображено худощавое лицо (три четверти левого профиля) с неровной и резкой линией нижней челюсти, выдающийся вперед твердый подбородок, ясно очерченные нос и подбородок, четкими рисунком бровей, посаженных низко над глазами.

Портрет печатали во многих газетах, в том числе и в «Нью-Йорк таймс» от 11 апреля 1968 года, откуда мы его воспроизводим.

Если сравнить этот рисунок с фотографией Джеймса Эрла Рэя, которая появилась значительно позже, то сходство их бросается в глаза.

Брюэр: Нет, сразу согласился. От восьмой отказался, а на пятую согласился. И говорит: «Вы хотите, чтобы я сейчас расплатиться? Я говорю: «Мам, угоди». Тогда он: «Платить сейчас? Выход из бумажника 20 долларов — новенькая белая бумажка — и протянул мне две руки».

Вопрос: Двумя руками?

Брюэр: Да, очень просто. Держал ее двумя руками. Так и протянул.

Вопрос: С каким акцентом он говорил?

Брюэр: (чуть помедлила и потом сказала таким тоном, каким признаются в чем-то не без гордости) С южным. Он не ленин.

Вопрос: Как он выглядел?

Брюэр: Я ведь уже сказала вам — ностром темный, подстрижен аккуратно.

Вопрос: А лицо, какое лицо?

Брюэр: Что значит — какое лицо? Лицо как лицо. Нос, да веки, глаза.

Вопрос: Вот вы и рассказываете, какой нос — длинный или короткий, какие глаза — голубые или, скажем, черные, в общем, опишите лицо. Скажите, а зачем мне нужно было его лицо? Я не смотрела на него. В книгу я его записала с регистрационной. Джон Виллард. Не могу же и в книгу записывать и вверх глядеть, на лицо.

Вопрос: Но почему вы, однако, замечали? Брюэр: Не почему я замечала, а стримку, Скажите много латинки, а это — вот, был бы аккуратный.

Вопрос: Кто, кроме вас, мог его здесь видеть?

Брюэр: А кто он здесь? Я одна. Может быть, кто-нибудь из постояльцев на втором этаже?

Миссис Брюэр, по-видимому, действительно не глядела в лицо человеку, который назвал себя Джеймсом Виллардом. Потому что, когда Джеймс Эрл Рэй наконец поимали и фотографировали его обложки все газеты, миссис Брюэр посмотрела на фото, выслушала язык, покачал головой, сказала: «Я бы в жизни его не признала... Ни за что бы не признала».

но и я, какось, в водовороте событий (сообщение о поимке Джеймса Эрла Рэя в лондонском аэропорту было передано всеми телеграфными агентствами, как известно, а в те минуты, когда по Платой авеню в Нью-Йорке двигалась траурная процессия за гробом Роберта Кеннеди, жертвы другого убийства, по закону смежности информации, отнесшегося на второй план убийство Мартина Лютера Кинга) не сразу обратил на это несходство внимание, не сразу нашел время пориться в старых газетах, взглянуть на фотосъемки портрет Рэя и сравнить.

А различие было большим.

Сразу после убийства Мартина Лютера Кинга журналисты бросились с вопросами к Чарльзу Стефенсу. Видя, он был единственным человеком, который видел предполагаемого убийцу, когда тот сразу после выстрела направлялся к лестнице, ведущей вниз к выходу на гостиницу. По словам Стефенса, убийца был небольшого роста, даже коротышкой, мелкого телосложения. Это описание имело мало общего с человеком, арестованным в лондонском аэропорту. Но выскиты у Стефенса, почему Джеймс Эрл Рэй мало похож на человека, которого Стефенс видел бежавшим из гостиницы после выстрела, было для журналистов не так просто. Точнее, невозможно.

Я сам звонил в Мемфис в июле 1968 года, пытаясь разыскать Стефенса и хотя бы побеседовать с ним по телефону. Но оказалось, что главный свидетель обвинения (или, посажен в тюрьму. Полицейские и судебные мемфисские вла-

Зато портрет, созданный со слов Стефенса, удивительно напоминает лицо другого человека, фото которого промелькнуло никем не замеченным в одной далласской газете за четыре с половиной года до убийства Мартина Лютера Кинга, то есть вскоре после убийства президента Кеннеди.

Эта фотография и продолжала бы оставаться никем не замеченной, если бы не случай, происшедший вскоре после того, как в газетах появились фотосъемки портрета предполагаемого убийцы и сообщение о том, что преступник пользовался псевдонимом Эри Старво Гонт. К одному из настоящих Эрков Гонтон, то есть человеку, действительно носившему это имя, однажды подошел знакомый шофер грузовика и сказал, что у него есть фотография убийцы Мартина Лютера Кинга.

Откуда у тебя может быть его фото? — спросил удивленный Гонт.

— Из газеты, — ответил водитель.

— Разве его уже поймали?

— Нет, но он, по моему лику, как-то так... наверное, не первый раз занимается...

— Чем?

— Его один раз уже поймали — в Далласе... ну, знаете, когда убили Кеннеди... Дюжю, я имею в виду.

И шофер протянул вырезку из далласской газеты, относящейся к ноябрьским дням 1963 года. На фотографии была изображена группа людей, задержанных по разным поводам, лишивших в Далласе сразу после убийства Кеннеди и проходивших проверку в полицейском

участке. Один из этих людей удивительным образом был похож на человека, изображенного на портрете предполагаемого убийцы Мартина Лютера Кинга и нарисованного со слов Стефенса.

Шофер объяснил, что газету он нашел однажды во время поездки по городам Соединенных Штатов под сиденьем у себя в кабине (видимо, кто-то из слуг или пассажиров оставил), вырвал из газеты и хранил. И вот теперь, сравнив два изображения, поднимаясь сдохнуть.

В следственном деле Джеймса Рэя Чарльз Стефенс упоминается как единственный свидетель, который утверждал, что Джеймс Эрл Рэй и человек, бежавший после выстрела из ванной комнаты к выходу из гостиницы, одно и то же лицо. Не странно ли это? Не странно ли, что ни судья, ни обвинитель ни словом не обмолвились на суде о том, что портрет, нарисованный в ФБР со слов Стефенса, не похож на действительного Рэя. Не странно ли, что Стефенс был упрям в торжму для того, чтобы преградить к нему доступ журналистов?

Не странно ли, наконец, что обвинение не приняло во внимание показание другого свидетеля, точнее, свидетельницы, которая находилась в гостинице во время выстрела рядом со Стефенсом и которая была трезва, в ясном уме и твердой памяти? Я нмью в виду миссис Грэйс Стефенс — жену Чарльза Стефенса.

Если бы миссис Грэйс Стефенс была вызвана в качестве свидетеля, ее показание (которое она повторила в первые дни после убийства журналистам) выглядели бы приблизительно так:

Вопрос: Где вы находились около 6 часов вечера 4 апреля 1968 года?

Грэйс Стефенс: Я была в своей комнате в гостинице. Около шести часов я услышала выстрел.

Вопрос: Откуда шел звук?

Грэйс Стефенс: Я не знаю, откуда шел звук. Но я знаю, что он отдался эхом под навесом около моего окна.

Вопрос: Это то, что вы слышали. А что вы видели?

Грэйс Стефенс: Сразу после выстрела из ванной комнаты вышел человек, прошел в холл и вышел вниз по лестнице. Он был одет в саут-вестерн-стрит.

Вопрос: Каким образом вы увидели его?

Грэйс Стефенс: Я увидела его через открытую дверь из моей комнаты.

Вопрос: Момент, когда вы слышали, как он выстрелил?

Грэйс Стефенс: Мне кажется, ему было лет за пятнадцать. Невысокий. Пониме меня хорошо. Шупленький. (Обратите внимание: описание человека, данное Грэйс Стефенс, совпадает с персональным описанием его, данным Чарльзом Стефенсом в мемуарной журналистике — Т. В.) Одет в армийского цвета застегнутую охотничью куртку и темные брюки. Волосы с проседью, знаете, соль и перец.

Вопрос: Он что-нибудь нес в руках?

Грэйс Стефенс: Да, у него было что-то в правой руке, но я бы не влезала сказать, что это такое.

Вопрос: Скоро ли после выстрела пришли полицейские в гостиницу?

Грэйс Стефенс: Вначале прислакали репортеры. И они вошли в нашу комнату. Но от одного полицейского офицера, который был одет в саут-вестерн-стрит, я узнала, что в течение 4 часов после выстрела. Когда офицер вышел, то, валил меня в полицейский участок, и там меня допрашивал инспектор Элкери...

Итак, оказывается, свидетели, которые видели человека, бежавшего из гостиницы после выстрела, были двое. А не один, как утверждали в полиции.

Однако показания миссис Стефенс не фигурировали в официальном обвинении. Суд и не упоминали во время мини-суды, по скольку то, что говорила она, опровергало версию об убийце-одиночке. Джеймс Эрл Рэй — выше среднего роста, худощавый, которого видела миссис Стефенс — низкорослый. Рэй — крепкого телосложения, мускулистый. А миссис Стефенс видела шупленького. Рэйю тогда не было сорока, а женщина видела человека за пятьдесят.

Впрочем, первые показания Чарльза Стефенса, судя по фиброзному портрету Рэя, тоже не подходили для ФБР, но алкополия, по-видимому, легко было отсечь, чтобы он в конце концов купился в Джеймсе Рэе того человека, которого видел в коридоре гостиницы. Тем более, что уговаривать Чарльза Стефенса помогала торерная камера, в которую его заключили.

Ну, а миссис Стефенс оказалась упрямее и

честнее мумя. Ее не удалось уговорить. И тогда, чтобы лишни свидетель не запутался своим делом, его просто-напросто вывели из нри.

8 июля 1968 года Грэйс Стефенс была отведена двумя полицейскими, одетыми в штатское платье, в городской госпиталь в Мемфисе. Предлог был избран простой — у нее после убийства болела шизика. Но отдаленный срочной помощи Грэйс Стефенс сматривал почему-то не хирург, а психиатр, который тут же поставил диагноз: «наклонность к самоубийству» и без долгих разговоров поместил ее в отделение для душевнобольных. А еще через три недели Грэйс Стефенс перевезли в дом для умалишенных штата Теннесси.

По свидетельству многих людей, знавших ее давно, Грэйс Стефенс была психически здоровым человеком и могла целиком отвечать за себя и за свои поступки. В истории ее болезни (до помещения в госпиталь) не было никаких записей, свидетельствовавших о каких бы то ни было признаках психического заболевания. Ее поместили в госпиталь незаконно, как по существу, так и с точки зрения процедурных норм, требующихся в таких случаях. По закону администрация больницы должна была заранее уведомить родственников Грэйс Стефенс о предполагаемом ее госпитализации. Но никто из ее родственников такого уведомления не получил.

И еще одно: история болезни Грэйс Стефенс ис счала из мемфисской больницы, где женщина лечилась до этого.

В начале 1978 года я звонил в Мемфис, чтобы выяснить, где находится Грэйс Стефенс. Мне сообщили, что ее все еще держат в доме для умалишенных.

Ее продержали там более десяти лет. Описание человека, виденного в коридоре гостиницы секунд через открытую дверь комнаты, когда он, этот человек, проходил мимо,—дело непростое, не исключающее ошибки.

Но надо полагать, что все-таки у обвинения (и у защиты, которая, как известно, целиком согласилась с обвинением) имелись бесспорные доказательства того, что именно Джеймс Эрл Рэй был в ванной комнате, находившейся рядом с комнатой № 5, и стрелял в эту комнату.

Такими бесспорными, исключающими всякий субъективизм и ошибки, доказательствами могли бы быть отпечатки его пальцев.

Об отпечатках пальцев и ладони Джеймса Эрла Рэя, оставленных в ванной комнате, где сейчас знакомый нам Уильям Хьюн, когда через полгода после осуждения Рэя на 99 лет опубликовал статью, в которой пытался опровергнуть все то, что так убедительно доказывал в первых двух статьях, напечатанных в журнале «Лукс».

Хьюн: Часть времени между 4.30 и 6.01 днем 4 апреля Рэй проявил в нападении на доктор-информант из окна комнаты № 5. Свидетель обвинения, отпечатки его пальцев и то, факт, что после убийства кресло и стол в комнате № 5 были найдены пердвинутыми к окну с комнатой № 5, и ладони были найдены на стене ванной комнаты...

...поэтому, неумели Рэй настолько легкомыслен, что не догадался надеть перчатки, и поэтому, предосторожности он мог бы предусмотреть?

Но вот, как мне кажется, весьма логичный вопрос отвечает адвокат Рэя — Перси Формэн (заместитель Артура Хэнкса). Перси Формэн: Я знаю, почему Рэй не надел перчатки и оставил отпечатки на стене ванной комнаты. Он хотел сблизиться со, с другой — он ждал, давая миру действительно свою причастность к этому делу. Для этого он и оставил отпечатки пальцев на стене комнаты,

которую арендовал, и отпечаток ладони в ванной комнате, откуда стрелял.

Ну что ж, такое объяснение вполне возможно.

Вдобав к печаль было создано мнение, что чего-то, а уж отпечатков пальцев Рэй оставил на месте преступления больше, чем достало бы ему.

Но вот что интересно. Обвинение нигде не объявляло о том, что отпечатки пальцев или ладони Рэя были найдены в меблированных комнатах — в комнате № 5 или в ванной комнате.

Почему? Как можно было даже в краткой речи том крошечном мини-суде не сказать о такой серьезной, решающей улике?

Мы можем это выяснить у капитана Дьюэла Рэя из отделения внутренней безопасности мемфисской полиции и у инспектора Элкери.

Вопрос: Насколько мы знаем, вы обследовали комнату № 5 в ванной комнате на предмет обнаружения отпечатков пальцев и других подобных улики?

Капитан Рэй: Да.

Вопрос: Вы действительно обнаружили отпечатки пальцев и ладони преступника?

Капитан Рэй: Мы обнаружили отпечаток ладони и отпечатки пальцев.

Вопрос: Вы записали дальнейшую экспертизу, связанную с этими отпечатками?

Капитан Рэй: Нет, это уже дело инспектора Элкери.

Вопрос: (к инспектору Элкери, главе отделения мемфисской полиции, ранее арестованного убийцы). Вы проводили экспертизу по отпечаткам пальцев и ладони?

Инспектор Элкери: Да, под моим руководством мы покрыли специальным составом отпечатки ладони и пальца, то на ванночке «Бермингтон» в туалете, брошенном на тротуаре...

Вопрос: И что же? Эти отпечатки принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю?

Инспектор Элкери: Нет. Было установлено, что ни отпечатки пальцев в комнате № 5, ни отпечатки ладони в ванной комнате не были оставлены Джеймсом Эрлом Рэем. Отпечатки его ладони и пальца, то на ванночке «Бермингтон» в туалете, брошенном на тротуаре...

Но ведь это же все смешно!

Это значит, что либо в комнате № 5 в ванной комнате в момент выстрела находилось только Рэй, но и кто-то другой, либо Рэй там вообще не было. Это, вероятнее всего, означает также, что из окна ванной комнаты стрелял не Рэй, а кто-то другой. Если Рэй сам хотел уничтожить следа, то он один не мог бы стереть все возможные отпечатки своих пальцев (судя по отпечаткам пальцев на винтовке, он работал без перчаток). Значит, и в этом случае кто-то ему помогал, значит, и в этом случае речь идет о сообщниках, о заговоре.

Обвинение умышленно умалчивало обо всем этом. А писатель Хьюн умышленно лгал, заявляя, что отпечатки пальцев в комнате № 5 и ладони на стене ванной комнаты принадлежали Джеймсу Эрлу Рэю.

Делались ли попытки установить личность человека, которому принадлежали отпечатки пальцев и ладони, найденные в комнате № 5 и в ванной комнате румин-хауса?

Я не нашел указаний на это ни у кого из людей, официально причастных к следствию.

Выстрел в Кинга был сделан из окна ванной комнаты на втором этаже гостиницы мисс Брюэр. Если посмотреть план улицы и обих домов, находившихся друг против друга, то можно убедиться, что с этой точки зрения самая (если не единственная) удобная позиция для стрельбы по человеку, который хотя бы на несколько секунд появлялся на балконе второго этажа отеля «Лоррейн».

Фото одного из задержанных в Далласе в связи с убийством президента Кеннеди в ноябре 1963 года.

Джеймс Эрл Рэй.

Портрет Джеймса Эрла Рэя, созданный художником ФБР по показаниям Чарльза Стефенса.

Оба дома, как я уже сказал, находятся друг против друга по улице Мэллорри. Однако адреса мотеля «Лоррейна» и мотеля «Лоррейна» — адрес мелированных комнат (руминг-хауз) — Сэйт-Мэйн-стрит, № 422½. То есть хотя в руминг-хауз — не напротив мотеля «Лоррейна», а с другой улицы, идущей параллельно улице Мэллорри. В сторону же мотеля «Лоррейна» смотрят окна лишь задних стен руминг-хауза, не имеющей ни входа, ни выхода.

Если смотреть на окно, откуда был произведен выстрел со стороны улицы Мэллорри, где стоит мотель «Лоррейна», никак не догадаешься, что это окно может относиться к мелированным комнатам миссис Брюзер. Если непосвященный человек будет смотреть на руминг-хауз со стороны фасада, он никогда не подумает, что второй этаж дома, где находится ресторанчик «У Джимейс», выходит на Сэйт-Мэйн-стрит, имеет свой адрес 418 Сэйт-Мэйн-стрит, имеет свое отделение гостиницы. Непосвященному человеку трудно также догадаться, что окна этого дома выходят только на Сэйт-Мэйн-стрит, но и на улицу Мэллорри, где стоит мотель «Лоррейна». Одним словом, убийца должен был заранее знать обо всем этом. Он должен был заранее знать и о том, что по балкону мотеля «Лоррейна» возле двери комнаты № 306 можно прицельно выстрелить лишь из окна ванной комнаты руминг-хауза. Из других окон этой комнаты дома стрелять по балкону мотеля было настолько либо просто невозможным, либо из-за закрытых слишком густыми и высокими деревьями (перед окном ванной комнаты — деревья пониже), из остальных окон двери комнаты 306 не видно вообще, поскольку она закрыта частью здания мотеля «Лоррейна».

Итак, убийце надо было не просто поселиться в гостинице миссис Брюзер, но занять комнату только на втором этаже прилегающего здания в номере, который соседствует с ванной комнатой, чтобы в нужное время пройти туда и выстрелить в Кинга с этой комнаты.

Убийца должен был знать, что Кинг остановился в мотеле «Лоррейна», что ему отведут там комнату № 306, очень точно знает план гостиницы миссис Брюзер и знает также, что около шести часов вечера 4 апреля Кинг отпразднует в гости на ужин к священнику Кейлсу и что, направившись туда, он обязательно выйдет из своей двери на балкон (из этой комнаты не было другого выхода). Последнее обстоятельство убийце нужно было знать для того, чтоб за несколько минут до шести часов с винтовкой в руках перенести из комнаты № 5 в ванную комнату (конец, выходящую на балкон), где стрелял бы, ему пришлось бы заниматься ее слишком долго, а слишком долго запертая дверь в ванную комнату могла бы вызвать подозрение в постольку еще до выстрела).

Судя по тому, что убийца действовал четко, он, видимо, действительно все знал заранее: и план гостиницы, и номер комнаты, в которой остановился Кинг в мотеле «Лоррейна», и расписание его дня.

Мог ли Джимейс Эйс Рай, действуя в одиночку, обладать всеми этими сведениями?

Человек, назвавшийся Джимоном Виллардом, не поднимался на второй этаж, не заходил ни в комнату № 8, ни в комнату № 5. Однако он сразу же отказался от номера в мотеле «Лоррейна» и немедленно согласился на номер пятый.

Значит, Джон Виллард прекрасно знал расписание комнаты, занят Кингом, и знал, что из окна ванной комнаты, а жить будет поближе к ней в комнате № 5, из окна которой удобно было наблюдать за балконом мотеля «Лоррейна».

Кто-то заранее снабдил его планом руминг-хауза с инструкцией, какую комнату снимать.

Комната № 5 была свободна в этот день. Преполомни, что мисс Брюзер не могла не свободной специально для убийцы, конечно, можно, но слишком уж на поверхности лежит вероятность ее участия в заговоре, слишком

опасно это было бы для нее, почти самоубийственное.

Вероятнее другое. Кто-то приходил сюда заранее, кто-то из тех, кто знал или надеялся, что Мартин Лютер Кинг остановится именно в мотеле «Лоррейна», кому нужно было найти именно такое окно, откуда «Лоррейна» просматривается наилучшим образом.

Значит, тот человек не просто приходил сюда и крутился здесь, потому что принят и покуривать, зайти в одну комнату или в другую — это дело не простое, это дело заметное. Гораздо вероятнее, что он поселился здесь, хотя бы на один день, как только стало известно о возможном приезде Кинга в Мемфис. А поселившись, облюбовал ту самую ванную комнату, откуда так удобно можно было стрелять по мотелю «Лоррейна».

Сколько времени он был здесь? Одинадцать? Несколько часов? Недель? Месяц? Слыхал перед самым появлением убийцы? Неважно. Важно другое: кто-то обязательно должен был жить здесь, подготавливая план убийства Кинга.

Мелированные комнаты миссис Брюзер — это ведь не отель «Паллаз» в Нью-Йорке, где кто-нибудь может поселиться и из которого выезжает несколько десятков или, может быть, сотен человек. Это маленький дешевой и незвездный дом, где люди обычно живут долго, и если есть два-три новых постояльца в неделю (если не в месяц), то и это много. Так что, наверное, если бы посмотреть и проанализировать список жильцов в течение месяца до 4 апреля, можно было бы найти 10—12 человек, а может быть, и того меньше, которые приезжали и оставались в отеле день-два, не больше.

Такой список существует в регистрационной книге каждой гостиницы. В книгу записывают всех постояльцев: кто приехал, когда

столько важным делом для ФБР, что оно пошло на то, чтобы у Брайса кинуть.

Все помнит эту фотографию.

Первые кадры после выстрела.

Кинг лежит смертельно раненный на балконе мотеля «Лоррейна», правая рука откинута в сторону и назад, локоть левой безжизненно подвешен под телом, ступни ног заперты между полом балкона и нижним прутьем прямоугольной фигурной ограды.

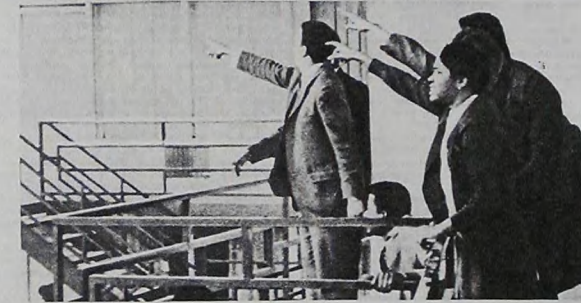
Один из друзей Кинга уже припал к тому месту, куда вошли пуля, белый платок, безуспешно пытаясь остановить кровь. Повидимому, в это время кто-то винзу спросил: откуда стреляли! И все, кто был на балконе рядом с Кингом, все повернули головы и протянули руки туда, откуда пришел выстрел. Все в одну сторону.

Это уже второе или третье изображение после того, как Кинг упал на цементный пол. Уже первый порыв — помочь, помочь Кингу! — отступил. Темное пятно под его головой — все больше и больше. И сейчас они, все сердцем надеясь, что выкинет Кинг, в разумном понимании — нет, все конечно — уже в силах подумать о другом: кто! И, после вопроса, который раздался снизу, все они на балконе вдруг поулыкали: да, откуда стреляли, ведь это тоже важно, хотя, казалось бы, что вообще может быть сейчас существенного рядом с телом этого человека...

Т е о о...

Но жизнь есть жизнь, и борьба будет продолжаться, и во имя этой борьбы... Они оттащали от Кинга, поднимали с пола, и каждый, не сомариваясь, протянул руку вперед и вправо — в сторону, где сквозь чащу деревьев еле-еле можно было разглядеть окна того дома, где помещаются мелированные комнаты.

Их на фотографии пять человек. Не считая

Фото, сделанное вскоре после выстрела по Кингу.

приехал, марка и номер автомашины, какую комнату занимал, когда выехал, сколько заплатил. Анализ записей в этой книге мог бы стать бесценным материалом для следствия.

Мог бы. Но не стал.

Оказалось, что книга эта была... утеряна. Да, да, утеряна... Вскоре после того, как миссис Брюзер передала ее агентам ФБР.

Так, во всяком случае, объяснили ее исчезновение следствию.

Потеряли — и все. Бывает же в самотеке.

Правда, регистрационная книга — это одно из главных вещественных доказательств. А главные вещественные доказательства, как известно, восторженно, терять не полагаются. Особенно в таком высокопрофессиональном учреждении, каковы, надо полагать, является ФБР. И особенно в связи с расследованием преступлений, которые возмущают весь мир.

Однако утеряна.

Причина? Можно предположить только одну. Вероятнее всего, в этой книге был записан о регистрации в отеле человека, чье пребывание там мешало версии ФБР. «Убрать» этого человека из мелированных комнат было не

Кинга... Их можно назвать поименно. Это все друзья Кинга, соратники по борьбе, его самые близкие люди. Каждый из них с готовностью подставил бы свою грудь под пулю, чтобы защитить Мечтателя. Если бы только знали заранее, если бы успели, если бы сумели предупредить... Оттолкнуть Кинга от геттисбургского моста, не пустить смерть на балкон, который вот он, весь на виду, у окон того дома напротив. Если бы проверили заранее все те описания, которые были в книге, если бы знали, что Кинг был в комнате 306, не прорисовал ли человеческий глаз за линиями оптического прицела, спрятанного в чащобе деревьев.

Если бы знали, если бы предугадали, если бы приняли все меры предосторожности заранее...

Но обо всем этом должна была позаботиться ограда.

Я так подробно вспоминаю о той фотографии, восторженно ее раз за всех, что был с Мартинотом Лютером Кингом на балконе в трагический момент после 6 часов вечера 4 апреля, потому что — странное дело — на балконе рядом с Кингом не было охраны.

И во дворе, внизу, там, куда он, склонившись, бросил последний взгляд, исполненный улыбки и добра,—там тоже не было охранников. Ни одного! (Я перечислил, кто там был, в самом начале этого повествования.)

Но позволить, Кинга обязана была охранять полиция Мемфиса. Обязана по той простой причине, что смертью его грозили многие,—это было каждому ясно: обязан, потому что Кинг был одним из известных американцев, общественным деятелем мирового масштаба.

Учитывая обстоятельства, которые возникли перед возвращением Мартина Лютера Кинга в Мемфис 3 апреля, меры для обеспечения его безопасности должны были быть широкими и всеобъемлющими.

Начальником полиции в Мемфисе в эти дни был некто Фрэнк Холломен. Точнее, он был начальником и полицейского и пожарного департаментов города. В его распоряжении были также 4 тысячи солдат Национальной гвардии, помощь ему должны были оказывать агенты ФБР, которых было в городе великое множество.

Для обеспечения безопасности человека обычно полиция устанавливает открытым или скрытым пост охраны поблизости от его жилья, которая может принять экстренные меры и быстро связаться с полицейским штабом, чтобы в случае необходимости вызвать оттуда подмогу.

Напротив мотеля «Лоррейн» находились два дома, из окон которых хорошо просматривался весь мотель «Лоррейн» и улица в обе стороны. Этими домами были известны на руинг-гауз и пожарная станция № 2. В обоих Холломен мог бы установить посты полицейского наблюдения и охраны.

И уж, во всяком случае, должен был обеспечить, чтобы оба эти здания не использовались возможными убийцами.

Холломен принял решение организовать пост охраны Кинга во время его пребывания в мотеле «Лоррейн» в здании пожарной команды.

Мемфисская полиция и раньше организовывала подобные посты обеспечения безопасности поблизости от стейков, где жила Кинг, которая приезжала в Мемфис. Так что у полиции имелся значительный опыт.

Однако обстоятельства, связанные с обеспечением безопасности Кинга—3—4 апреля, отличались от предыдущих.

Расовая напряженность в эти дни в городе была настолько острой, ненависть расистов к Кингу настолько явной, что меры безопасности должны были быть приняты особые, усиленные в несколько раз.

Обычно полицейский пост по обеспечению безопасности Кинга—в прошлые его приезды—формировался из 10 человек—детективов, офицеров и прочих чинных полиции. 4 апреля это число было изменено в 5 раз. Но не в сторону увеличения, а в сторону уменьшения. Полицейский пост в здании пожарной команды, откуда было очень удобно вести наблюдение за мотелем «Лоррейн», на тот

раз состоял всего из двух человек: детектива негра Эда Реддитта (командир) и его помощника, белого полицейского из Мемфиса Уильяма Ричмонда.

Детектив Реддитт пользовался славой честного и серьезного работника, он не в первый раз занимался обеспечением безопасности Кинга в Мемфисе, знал в лицо всех людей, которые его обычно окружали, весь персонал Южного Христаинского руководства, знал их машины, номера машин. Знал он прекарные местные кулуарно-ловцов, самых разных расистов (не столько потому, что был детективом, сколько потому, что был неграм), а также всякого рода экстремистов. Он был весьма ушлым, когда узнал о решении наказать и направить на пост охраны только двух человек.

Два человека—это очень мало для обеспечения безопасности Кинга. Но Реддитт весьма расстроился (не столько потому, что был детективом, сколько потому, что был неграм), план действий на случай, если Кингу грозила бы конкретная опасность.

Однако этот план не был приведен в исполнение по той простой причине, что Реддитт не было на месте в момент убийства Кинга.

Приблизительно за полтора часа до трагического события в здании пожарной охраны приехал лейтенант Аркин, который служил в разведотделе мемфисской полиции. Он поднялся по лестнице на второй этаж в комнату, где сидели оба детектива, подошел к Реддитту, хлопнул его по плечу и сказал: «Эд, тебе придется уйти в штаб».

— Зачем!

Аркин пожал плечами.

— А кого вместо меня?

— Не знаю,—ответил Аркин,—по-моему, никого.

— Так что же, на весь пост останется один человек? Один Ричмонд!—удивился Реддитт. Это приказ Холломена,—и Аркин повернулся к выходу.

На посту оставался один человек. Что он мог сделать в случае опасности? Вызвать по радио подкрепление! Но, как известно, в ситуациях, когда для злодейства требуется один выстрел, подкрепление обычно прибывает, когда все уже кончено. Так рассуждал Реддитт, иди вслед за неграм. И не знал, почему лишь на то, что начальство будет держать его недолго и что вскоре он снова будет на месте.

Реддитт сел в машину к лейтенанту Аркину и поехал в полицейское управление.

В тот день, 4 апреля 1968 года, приблизительно за час до убийства Мартина Лютера Кинга в комнате начальника полицейского управления Мемфиса Фрэнка Холломена происходило совещание начальников и заместителей начальников всех полицейских и других подразделений, которые представляли собой реальную силу в Мемфисе. В кабинете Холломена находились шериф, глава и заместитель начальника дорожной полиции, командующий отрядами Национальной гвардии и его заместитель, начальник и заместитель начальника

пожарной охраны и т. д. и т. п. Такое совещание, обезглавливавшее все подразделения службы порядка Мемфиса в момент, когда расовая напряженность в городе подходила к апогею, само по себе удивительно. Ведь совещание можно было провести по селектору, по анонимному телефону. Можно было, наконец, вызвать к себе только начальников подразделений, оставив на месте действия их заместителей. Однако нет, Холломен собрал у себя всю верхушку власти.

Когда Реддитт вошел в кабинет Холломена, он застал их всех. Начальник полиции поднялся наверх, чтобы детектив не мешал.

— Ну вот, наконец-то ты пришел, Эд. Слушай, тут есть важное дело для тебя.—Холломен положил руку на плечо Реддитта и увел его в сторону, подавшие от стола, за которым шло совещание.

— Слушаю, сэр.

— Помнитешь, какая штука,—сказал Холломен, не снимая руку с плеча негра.—Тебя, понимая, ли, готовятся убить, вот в чем дело.

— Меня? Кто?—удивился Реддитт.

— Да, видишь, какая ты у нас теперь важная птица,—засмеялся Холломен,—уж и покусение на тебя готовятся.

— Обища какая-нибудь. Кому я нужен? Холломен понизил голос:

— Вы видели того джентльмена? Он из секретной службы. Из Вашингтона. Специально поделенный, оставив у нас теперь важную информацию о дорожном полицейском штате Миссисипи, что одна тамошняя организация тугополосных приняла решение убить тебя.

— Из Миссисипи? Это же более удивился Реддитт.—Да что и я им сделаю? За что?

— Уж не знаю. Знаю только, что они отрядили для этого снайпера из Сан-Луиса. Вполне возможно, он уже здесь, в Мемфисе. Благодарю секретную службу. Их человек, понимаешь ли, специально летел сюда из Вашингтона для того, чтобы сообщить нам об этом. Так что тебе лучше всего, брат, ехать домой. Дам тебе двух офицеров на всякий случай, и езжай.

— Как же с охраной Кинга?—спросил Реддитт.

— Тут не беспокойся, этот, понимаешь ли, мое дело. А ты давай домой и сиди там с обоими офицерами, пять лет.

— Зачем же домой?—спросил Реддитт.—Перепутать всю семью. У меня тоже больная.

— Нашел о чем говорить сейчас,—теща!—недовольно поморщился Холломен.—Ну, хорошо. Можно не домой. Поставь машину неподалеку от дома и сиди у ней. Эти двое будут вместе с тобой. В машине.

— А Кинг?—еще раз спросил Реддитт.

— Что Кинг? Ничего, понимаешь ли, не сделается с твоим Кингом. Так все будет в порядке. Езжай домой. Это приказ. Понятой?

Продолжение следует.

ОБЖИВАЮЩИЕ СТИХИЮ

«Уста» по-азербайджански значат «устер». Эти слова наизусть знает самых известных людей. Уста Пирри Гулиев, герой документальной повести азербайджанского писателя Сулеймана Велеева «Династия Гулиевых», родоначальник и глава целой династии нефтяников Каспия. Впрочем, это не совсем так.

С. Велеев. Династия Гулиевых. Госполитиздат. М. 1979. 96 стр.

Ибо Пирри Гулиев пришел на промысел по стопам своего отца. Еще в прошлые времена трудился он на промыслах в Сураханах Дост Мама. Он был таргальником, то есть добывал нефть, армучию из колодезей. Из поколения в поколение, от отца к сыну передавались добрые трудовые традиции семьи Гулиевых, на протяжении веков неизменно слава.

Уста Пирри Гулиев был одним из пионеров морского бурения. Его сыновья Мамед Паша и Исрафила стали крупными учеными в этой области. Научно-технические достижения советских нефтяников он отмечает С. Велеев, граничит с чудесами.

Строго документальный рассказ С. Велеева не лишен элементов художественности. Его диало-

ги часто скомпонованы и остроты. Повесть С. Велеева в подзаголовке имеет название «Хроника одной семьи». Термин «хроника», несмотря на некоторую сузивость, употреблен автором не без основания. Не все члены семьи Гулиевых одинаково связаны с нефтяными промыслами. Один из сыновей, например, по семейной истории, долго работает врачом. Но, проследившая в хронологическом сопоставлении эти или иные события жизни этой семьи, автор замечает, что бы ни был этот врач—учебные, общественные деятели, советские нефтяники, или он—рабочий завода, умение трудиться. Трудиться так, что бы можно было и небу и морю

Валентина ЛЕВЧЕНКО

Томас Гейнсборо. 1727—1788. ЭЛИЗАБЕТ РОТСЛИ, ВПОСЛЕДСТВИИ ГЕРЦОГИНЯ ГРАФТОН. 1764—1765.

Национальная галерея Виктории. Мельбурн.

Джозеф Тёрнер. 1775—1851. УОЛТОНСКИЕ МОСТЫ. 1806.

Джон Констебл. 1776—1837. ОЗЕРО КЕСВИК. 1807.

Национальная галерея Виктории, Мельбурн.

земля родная

Такое место это Домотканово. И жила была тут семья. По березовой аллее проходила редко, стараясь не тревожить во время работы художника Валентина Александровича Серова. Еще совсем молодым в 1888 году, до женитьбы, он написал здесь знаменитую «Девушку, освещенную солнцем» — портрет Маши. Марии Яковлевны Симонович. Работал Серов над портретом, по своему объяснению, долго, три месяца. Много лет спустя, уже нездорового до смерти, в 1911 году, художник, сто однажды в Третьяковской галерее перед этим шедевром, «махнул рукой и сказал не столько мне, сколько в пространство: «Написал вот эту вещь, а потом всю жизнь, как ни пыжился, ничего у не вышло: тут все вышло», — вспоминал И. Грабарь.

У входа в сельский музей В. А. Серова (он расположен на территории колхоза имени XII съезда КПСС) укреплена мемориальная доска. Поднимаясь с проходившей вблизи холма дороги к одному из зданий, в котором жили Серовы в Домотканове, я несколько остановился у огромной березы, поглади ствол, неохотный, заматеревший, не так высоко от земли обматанный почвотом травою. Постою, прикину, что могло видеть это дерево, свидетелем каких великих перемен в жизни людей оно стало... Может, и Валентин Александрович останавливался однажды здесь, может, помнит береза и легкие шаги Маши Симонович.

Экспозиция музея — четыре небольшие комнаты. В одной — библиотечка — на шесть тысяч томов, в последней — хранилище. Предметы уседебного быта, фотографии, рассказывающие о Домотканове и его прежних владельцах, репродукции картин, несконные офорты работы самого Серова, книги о нем — вот, собственно, и все. Мало! Но ведь это в деревне, далеко от железнодорожной станции, по прежним-то временам — в глуши.

Музей был открыт в 1965 году в связи со столетием со дня рождения знаменитого русского художника, который подолгу жил здесь и работал. Почему именно здесь? Дело в том, что Серов был приятелем хозяина имения, молодого художника-пейзажиста Владимира Дмитриевича Дергазя, женатого на его родственнице. Да и места здесь очень красивые. Оттого Серов приезжал в Домотканово неоднократно в течение своей жизни, написал в этом скромном имении свыше тридцати полотен, вошедших в сокровищницу русского живописи: «Девушка, освещенная солнцем» (1888), «Заросник пруда», созданный в том же году; «Летома» (1895) — портрет жены художника О. Ф. Серовой; «Октябрь. Домотканов» (1895) — в деревне. Баба с лошадыю (1898). Серов сам попросил своего друга еще до покупки имения ездить его осматривать. Он как художник и первый хозяин его — дом, холмистые дали, спокойную красоту этих мест.

Председатель совета музея Александр Федорович Минев, как сам про себя любит говорить, «человек робкий». Он не молод. В прошлом учитель сельской шко-

лы, затем ее же директор. Прошел войну.

— Разве она кому-нибудь мешала? — Бугдо спросил он сам себя, когда мы проходили мимо огромной березы, на которую и я обратил внимание. — А этот тракторист доехал востан до десяти лет, так ничего у не будет!

Я испугался, — продолжал он, — засохнет. Вот прошлым летом, глядя обмал, трепной обмалот. А вот Александр Федорович с женой, тоже когда-то учительницей, в маленьком селе Заехове, от Домотканова — с горы спустился. Редко встретишь такого

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

доброго, простого и одновременно очень интеллигентного человека. Гордится тем, что математика у него была хорошая. Вспомнил у знаменитого Бадиса, знает немецкий язык в совершенстве. И теперь вот Домоткановое, где бегал мальчишкой, неподдающую от которого родились и отец и дед... Это он, Александр Федорович, поддал между старых берез тонкие прутья молодых побегов. Он, собственно, живет здесь этим.

Плак и оригиналы всех документов, относящихся к Домотканову, газетные вырезки, папки с воспоминаниями живших здесь когда-то людей — все это аккуратно-нейшим образом содержится в хранилище музея.

Вот папка с воспоминаниями племянника хозяина Георгия Валериевича Дергазя о В. А. Серове. Небольшие отрывки из них публикуется впервые.

«Серов не любил вычурности, всегда стремился к наиболее простому и ясному выражению мысли и в самой правде в жизни.

Обычно Валентин Александрович был сосредоточен в мыслях, но, по-видимому, тем острее и яснее была его работа в Домотканове, в тихой и тенистой стороне, в людях их, существ, характерные черты данного человека, часто смелые стороны его поведения.

— Передайте по возможности особенностям Валентина Александровича, — говорил он, — передайте, как он любил цветы, но и предавать наглядным образом: жестом, мимикой, короткой репликой, поворотом головы, движением глаз, всей своей фигурой. И при этом получалось можно сказать, художественный образ. И сказал, что Валентин Александрович был молчалив, но, одновременно у него была потребность войти в общение с окружающими, нарушить молчание.

У него (Серова — М. И.) было постоянное стремление... точнее, правдивое, характерное, передавать то, что он изображал. И он не устал пополнять свои наблюде-

обычен. Вообще, как известно, Серов любил изображать лошадей, и на этот раз он задался нарисовать стоящую в тенистой заросли в новополученном пейзаже, освещенную лучами солнца. Каждый вечер заглядывал в комнату и подмывала и крыльцо дома.

— Здесь, мучер, Григорий из деревни Иглатово останавливался у нас. Притворялись дверь дома и за ней ставили огромную лампу. Молчалим, таким образом из полуоткрытой двери подвала вырвался яркий свет, который и давал некоторую освещенность окружающим предметам... Постепенно из мрака вырисовывались силуэты лошадей, коней, колесниц — главным образом тех частей ее, на которые падал свет, а на которые не светилось, чем выделялось. И вот эти наметки на окружа-

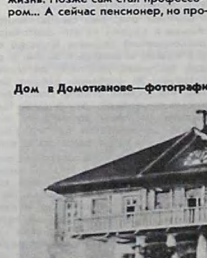
В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

ющее в темном воздухе и надо было изобразить так, чтобы они угадывались, очевидно, вместе с тревогой отъезда.

Была осень, иногда моросил дождь, и это мешало работе. Валентин Александрович уехал. Картина так и осталась незаконченной. Работая, она висела в Третьяковской галерее, над дверью, и ее нельзя было хорошо рассмотреть.

Мне из человека, оставившего эти интересные записки. Как сложилась его судьба?

Судьба моя сложилась довольно просто, — рассказывал Георгий Валериевич, когда я наведал его дома, на многоступенчатом Садовом колдце. В 1916 году поступил в Московский университет, на медицинский факультет. В 1921-м окончил — был ускоренный выпуск. На экзамене по биохимии профессор сказал мне: «Надуверте, приди к нам работать». И я стал ассистентом при университете — теперь бы меня назвали аспирантом — и изучал биохимию в продолжении нескольких лет. С ней, собственно, и связана вся моя жизнь. Позже сам стал профессором... А сейчас пенсионер, но про-

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

должно работать. И ревностно собираю все, что касается Домотканова.

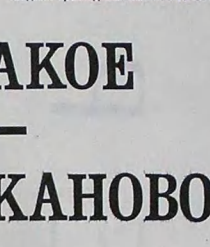
Этой творческой усадьбе, по словам Грабаря, Россия по праву обязана известными Серовым, давшим превосходные картины жизни русской деревни.

В. Д. Дергазя вспоминал: «Рисовал Валентин Александрович быстро и сразу достигал такого сходства, которого другой художник вообще не достигнет — это было для него делом нескольких минут. Однако... при писании портретов он часто требовал от модели громадное количество се-

должно работать. И ревностно собираю все, что касается Домотканова.

Этой творческой усадьбе, по словам Грабаря, Россия по праву обязана известными Серовым, давшим превосходные картины жизни русской деревни.

В. Д. Дергазя вспоминал: «Рисовал Валентин Александрович быстро и сразу достигал такого сходства, которого другой художник вообще не достигнет — это было для него делом нескольких минут. Однако... при писании портретов он часто требовал от модели громадное количество се-

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

ансов. Происходило это, конечно, потому, что он ставил перед собой более сложные задачи, чем просто достижения портретного сходства.

В Домотканове, кроме Серова, работали Левитан, Билибин, Овчинников. Своего рода уроком Абрамчу! В 1965 году шефство над музеем было взято Калининской картинной галереей. Выделялись средства, которые нужны для ремонта помещения, восстановления парка, расчистки системы уседебных прудов.

— Думали, дело дальше пойдет. А дальше — почти не двигается, — говорит А. Ф. Минев. — Правда, помогает председатель нашего колхоза. Но у него своих дел много.

Дело помощи музею, наверное, не только одного колхоза. Последнее, что запомнилось в Домотканове — толстый ствол зачехленной березы.

Живет!

Максим ИВАНОВ

Дом в Домотканове — фотография начала XX века [публикуется впервые].

В. Серов. Девушка, освещенная солнцем.

Дом в Домотканове — фотография начала XX века [публикуется впервые].

Дом в Домотканове — фотография начала XX века [публикуется впервые].

Дом в Домотканове — фотография начала XX века [публикуется впервые].

М

зыка, которую сочинял Дмитрий Борисович Кабалевский, известна и любима во всем мире.

Органично несет она в себе главное, что полагает и воплощает всякого человеческого человека на земле: гуманизм, мужество, преданность добра перед злом. Несет ту действительную любовь к жизни, какую унаследовал Д. Б. Кабалевский от родителей, особенно от музыкально одаренной матери Надежды Александровны; она, как и Борис Клавдиевич, отец будущего композитора, заботливо поощляла проявившиеся особенно рано интерес ребенка к музыке, ко всему прекрасному.

«Есть в русском языке слово «прекрасный», — размышляет сам музыкант. — Замечательны ли вы, что слово это является превосходной степенью двух разных слов: «хороший» и «красивый»? Задумайтесь над этим, и вы убедитесь в том, что по-настоящему прекрасным может быть только то, что одновременно и красиво и хорошо!»

По мысли композитора, это относится не только к музыке, но и к человеку. И к любому результату человеческого труда. Красота лишь тогда красота, когда она нравственная, полезная, созидательная. Тут — высшая ступень искусства, совершенства, мастерства. Вкупе талант и труд создают Мастера; созданные композитором огромное музыкальное богатство — живое тому доказательство.

Однако же народный артист СССР, Герой Социалистического Труда Дмитрий Борисович Кабалевский — не просто художник, не просто мастер. Он служит жизни, народу еще и как неустойчивый общественный, государственный деятель, представляющий Искусство в парламенте Советской страны. По его словам, «музыкант не может писать одной музыкой. Музыканта питает вся жизнь, как она есть, со всей ее сложностью, со всеми переживаниями, которые и становятся для художника источником подлинного искусства».

Все сочинения Кабалевского — от детской песенки до симфонии, концерта, оратории, оперы — словом, вся его музыка, столь разнообразная по жанрам, одинаково поражает цельностью и благородством содержания, простотой нравственного, эстетического направления. В то же самое время художнику присуща глубокая скрытая, но несомненная — при всей его демократичности — принципиальность. Кажется, ну как отнестись это задорное слово к такому мастеру, как Кабалевский, к такой музыке, какая выражает личность Кабалевского? Но маститый композитор всю жизнь был и сегодня остается борцом за музыку — именно прекрасную. Недаром же он считает, что нынешняя музыкальная жизнь в известном смысле представляет собой «поле битвы, на котором сражаются все хорошее против всего дурного, причем дурное зачастую оказывается более активным и воинственным, чем хорошее. Пошлость, безвкусица — они ведь очень натальны и выдвигаются — они ведь очень натальны и выдвигаются — они ведь очень натальны и выдвигаются... Только я хочу подчеркнуть, что речь идет не о борьбе серьезной музыки против музыки легкой! Борьба идет прежде всего за хороший вкус, за понимание того, что такое хорошо и что такое плохо в любви общему, в любом жанре музыки».

Вот так очерчена самим композитором (в письме к одному из его многочисленных корреспондентов) позиция, которую он занимает и в музыке и вообще в жизни. В своих взглядах, поступках, действиях он постоянен и неуступчив. И особенно упорно настаивает на том, что музыка должна делать людей лучше: красивее, добрее, отзывчивее. Иные говоря, музыка — могучий воспитатель и ни в коем случае не средство пустого развлечения; в этом случае она охватывает и вредна.

Именно так высоко ценится музыка во великих музыкантах мира. Именно такой вид музыку Д. Б. Кабалевского, наш современник, неустанный труженик и творец. Не только прекрасным сочинениями, но и книгами, письмами, лекциями, неустанным преподавательским трудом он внедряет свои идеи в нашу жизнь, обогащая и обогащая ее.

Будучи учеником выдающихся музыкантов — Гольденвейзера, Катуры, Мясковского, — композитор сам дал дорогу в творчество, указав жизненный путь многим талантливым людям, чьи имена широко известны ныне в искусстве. Достаточно назвать Р. Щедрина, Ю. Милотина, С. Баласаняна.

Сложно, а иногда, кажется, даже непоси-

мыми тайны создания музыки настоящей, которая каждому человеку говорит нечто свое, современное... Приобщая молодых к познанию законов такой именно музыки, Д. Б. Кабалевский в стенах Московской консерватории отдавал нам стремление к новаторству, неотрывное от глубины и серьезности, от традиций народного мелоса...

Заданная всякой вообще музыкой, считает композитор, — развить хороший вкус.

«Я не люблю», — признается он, — угрюмых людей, полагающих, что любовь к серьезной музыке обязательно предполагает отрицание и неуважение ко всем видам легкой музыки, в том числе и к драматическим без разбора: хорошая это легкая музыка или плохая. Ведь и симфоний пишется много плохих, скучных, серых, лишь убивающих интерес в людях к серьезной музыке. Когда я писал музыку к кинофильму «Антон Иванович сердится», а киноле разделяла (и сейчас разделяла) основную мысль, то фильм хорошей оперетты лучше плохой симфонии.

Ничего никому не «запрещая», более того, считая, что любые запреты могут только отворить людей, особенно молодых, от серьезной музыки на всю жизнь, Д. Б. Кабалевский является страстным пропагандистом главных богатств музыкального искусства. Он занимается этой пропагандой всю жизнь, но особенно с предвоенного 1940 года, то есть тогда, когда коммунизм... Это даю мне еще больше сил и энергии, сделало всю мою деятельность более целенаправленной. Быть членом партии, коммунистом — это значит, — как свое дело, оценивать как часть общего дела своего народа, не жалеть сил для своей Родины».

Среди великого множества «подопечных» композитора, пестуемых Кабалевским, именно школа прежде всего остается предметом несомненного внимания композитора.

Дети. Их всестороннее развитие. Приобщение ребенка к прекрасному... Для Дмитрия Борисовича тема детства — это тема жизни, а сами дети с их мировосприятием, музыкой чистой и необычайным запасом фантазии — своеобразные творцы его собственной чудесной музыки. Да он и сам говорит: «Никогда не делая жизнь на разном уровне. Поэтому в «Евклиме» не мог обходиться без детей, поэтому весьма серьезно (не без трагического нот) четвертую симфонию вывел в финале к чему-то вроде «титула молодости», поэтому в «Семье Тарасовых» не изменял в этом отношении первоначальности — «Непокоренные» Б. Горбатова) укрупнил образ старей Евфросинии и вывел на первый план школьников Настю и Павлу. Жизнь (в творчестве) трудно делить по возрастному принципу. Вероятно, поэтому у меня есть и песни для самых маленьких малышей и соны Шекспира, ни один из которых, кажется, не обходится без слова «смерть»... Но при всем этом я не могу отрицать того, что тема детства, юности, молодости, очевидно, преобладает в моей музыке... Скажу больше: это излюбленная моя тема, так же как самым любимым и дорогим из всего, чем я в своей жизни занимался, была и продолжает оставаться работа для детей с 6 детьми, для юности с 6 юношества. Это моя самая большая радость, самое большое счастье, это мой мир».

Как педагог, работающий с детьми, Кабалевский известен ничуть не меньше, чем как композитор. Причем известен как педагог особенный, имеющий свою систему, свои методы музыкального обучения малышей, — он ведь начинает занятия с первого класса.

В обычную московскую 209-ю общеобразовательную школу Дмитрий Борисович приходит каждую неделю. Приходит без всякого ажиотажа, помпезности. Просто — на очередной свой урок.

Наверняка наши читатели смотрели по телевидению эти удивительно поэтичные, а в то же время вполне деловые, серьезные уроки Кабалевского. Они и не от него, не от него же бесконечного терпения, поскольку угадывает композитор, воспитание хорошего вкуса — дело сложное и кропотливое.

«...как оно и есть...»
Каких же чудик внутренних камертоном надо обладать, чтобы столь счастливо и полно откликаться на душевное, творческое зовы народа, жизни детства, с которой начинаем мы все

А. ЗВЯГИНА

Фото И. ТУНКИЯ

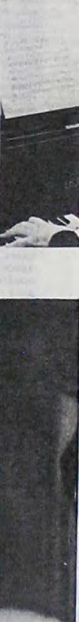
Д

Ц

У

А

М

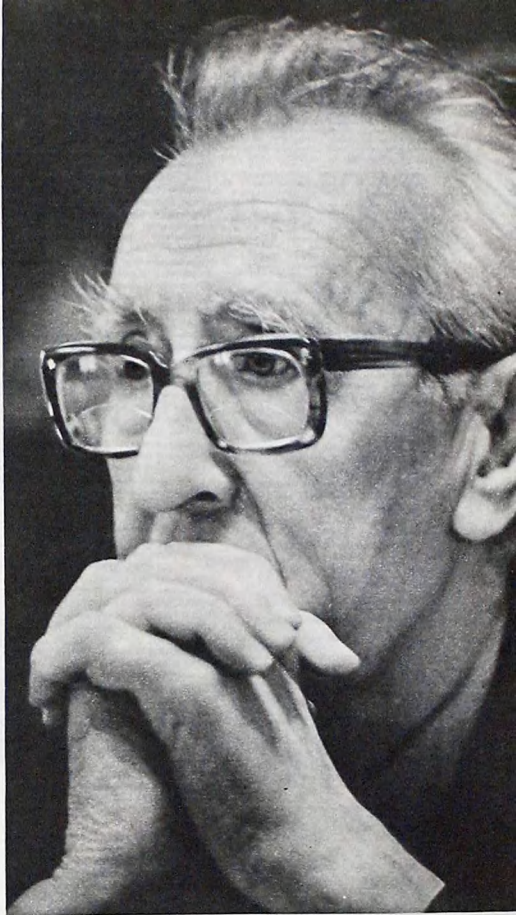

Композитор ведет урок в 209-й школе Свердловского района Москвы.

Песня...

«Реквием» Д. Кабалевского в Большом зале консерватории. Директорует автор.

Из разных городов съезжаются учителя, чтобы постигнуть законы преподавания Музыки.

ДИДОМ К ЗАРЕ

Книги поэтов лежат на столе, терпеливо ждут,— разные книги... И вот наступает час, когда входя, в их мир. Среди книг есть такие, которые берешь в руки, как письмо от друга, которого уже нет; а есть и такие, читать которые заставляешь себя усилием воли — списком много того, личного, скрыли они в себе.

Сборник Сергея Орлова «Костры» вышел после смерти поэта. Его оставили многие стихи, которые Орлов не публиковал при жизни, очевидно, не считая их законченными, отточенными, сделанными. А стихи были прекрасные! Прочтя их, становится ясно, что удивительная чистота поэтического мышления С. Орлова родилась еще до Отечественной войны, когда окреп его дар. Уже до войны он был настоящим поэтом с чертами собственного почерка, со своим образным миром.

Давным-давно огни погасли
в тахтах,
А хоровал скрипкой, но руки
сгорели,
Над полем месяц тонкий
сгорел,
Как будто сер, на гласище
висит.
Хлеб ждала девица, тяжело
поиснаде,
Оступал землю вечер полутьмой,
Серп на звезду ближайшую
как сплел,
Повесила и спать ушла домой.

Это стихотворение «Ночь», написанное в 1940 году. В сборник вошли и неизвестные ранее стихи о войне и произведения последних лет.

Прости, земля, что я тебя покину
Не по своей, так по чужой вине
И не узнаю Николая дамбу
Ни навалу, ни в несподяном
сне...

Есть в стихах Орлова та жестокая простота, которая определяет истинную поэзию.

Книга стихов «Костры» добавляет новые штрихи к образу прекрасного русского поэта С. Орлова, выражающего в своем творчестве трагедию, мечтания и будни поколения, мужавшего в годы Великой Отечественной войны.

Сборник Владислава Шойна «Стихотворения, выпущенный Лениздатом в 1979 году» — книга поэта другого поколения. И не только поэта — многим, вероятно, известны работы литературоведа В. Шойна, и прежде всего книги о Николае Тихонове. Но стихи никогда не были вторичным планом работы В. Шойна. Лиризм по видению мира, человек, влюбленный в русскую природу, в песню, он уже давно обратил на себя внимание читателей.

Откровенно говоря, беру в руки сборник стихов В. Шойна, ожидая, что столкнусь с тихоновской традицией, с бурлящей, громкой романтикой его стихов. Но В. Шойн — поэт, су-

мевший при всей любви к Н. Тихонову прощит мимолетное влияние этого большого мастера, нашедший свой почерк, свое поэтическое видение мира... Ему свойственны задумчивость, тихая радость человека, ощутившего свою связь с природой, любованье пейзажем. От студенческих стихов начала пятидесятых годов: «Было чувство счастья и свободы, все на свете было ничем, мы друзей учились в эти годы загорелым чувством, плечом», от стихов-эссе, написанных позднее («Дорога на Кулунду», «Беловодье», «Песни Алтая»), до произведений последних лет — одет постоянный помысл поэта. И вспоминаются его опыты в области песни («Я о стране моей пою») и циклы последних лет (особенно «Зеленый полустанок») — добрые, душевные произведения...

В. Шойн — поэт русского пейзажа, родной природы. Но ему понятны, близки и дороги — и именно здесь сказались уроки Н. Тихонова — и озеро страны Суоми, и горы Болгарии, а главное, мысли, чувства, настроения людей самых далеких краев и стран. Именно в пространственной многоплановости и поэтической глубине одна из привлекательных черт сборника В. Шойна.

«День забота» — так назвала свою книгу Георгий Некрасов, поэт старшего поколения, говорящий с себе: «Скрылась юность и молодость тоже. Но сквозь плотную толщу годов буду видеть их, сколько б ни промчал, как бесонный огонь маяков. Штурмовые нежные ночи пятачков, взходящих в наш быт, и великое слово — рабочий, устремлявшее души в zenith».

Этот поэт по-настоящему трогателен в своей верности тридцатым годам. Его глубочайшая искренность, его умение выйти из сложности сегодняшнего дня в мир того, далекого и уже легендарного времени не могут не волновать. «Стихи о матери» («Двадцатый год. В квартире холод. На плитках чужны пусты», его сонет, посвященный Вс. Рождественскому, его полные волнения «строки стихов «Читая старые газеты» — все это связано с биографией поэта.

Г. Некрасов всегда казался мне продолжателем и наследником творчества пролетарских поэтов послевоенных лет. И он действительно — и это ощутило в его новой книге — сумел сохранить драгоценную целостность поэтического характера и убежденности, что сама Вселенная находит на заводе, в цеху, создана руками рабочего человека:

«Сестини в космической пеленке уже докрасна накалили. И вот невидимко-краном его опустили за роуш к неведомой неволе». И далее — о «меридиальных тучах»: «И кажется мне, что бульдозер их двигает неумолимо». И наконец: «Невидимый изобретатель кует раскаленные солнце, слепа померанцевею очка».

Это о грозе! Строки рабочего, влюбленного в свой труд, строки человека-творца, уверенного в своей силе.

...Книги лежат на моем столе — а их изволнованное слово о мире вокруг нас, суровом и добром мире.

Д. МОЛДАВСКИЙ

Ленинград.

Как там, на улице!

Начало см.
на II стр. обл.

ГОД

«В предпоследний день прошедшего года от подвезла 2-го Московского массового завода отшла колонна автобусов с желтыми табличками: «Осторожно — дети!». Прохожие, видя желтые лица за стеклами окон, понимающе кивали головами. И, наконец, немного заждавшись школьниками, которые называют эти дни не «последними», «уходищими», а первыми длинными каникулами!

Автобусы остановились километрах в восьмидесяти от стоянки, в красивейших местах — за Истрой, у заснеженных корпусов дома отдыха «Румилицево». Здесь уже много лет проводит свой короткий зимний отдых дети рабочих нескольких московских предприятий: горнокапропрофсоюза, Рабочих машиностроения и приборостроения. В тот день в «Румилицево» приехали 180 ребят.

«Короткий отдых» — это по нашим, взрослым меркам. А для школьников — целых двенадцать дней! Почти две недели — ни уроков, ни домашних заданий, зато сколько угодно веселых игр, развлечений! Сразу же бросились к лыжам, санкам, и свежие дождевые следы разбавлялись от дома отдыха по устлым окрестным лесам. Близкие хохмы, правда, мало подходят для саночных соревнований, но просто для катания — годится! Кто-то в клубе проверяет, как звучат голоса со сцены. Заставили по теннисным столам белые шариком в кортусах. Массовых скоростных команд уже готовят по заснеженной площадке футбольный матч. Ребята с экипировкой «Слава» на спортивных костюмах такой «несерьезности» позволяют себе не вогут — у них планомерные тренировки, у них — соревнования, в которых им предстоит защищать честь спортклуба часового завода. Озвучена оптимальная физкультура: Виктор Бургов — в плане столько соревнований, игр, походов, надо успеть разобраться во вкусах ребят, создать спортивные коллективы. Масса забот у старшего пионервожатого, шифовщица Алексиса Гортунова: встреча Нового года, концерты, конкурсы, самостоятельность — программа огромная! А в каникулах только двенадцать дней...

НАЧИНАЕТСЯ С КАНИКУЛ

Москвичкам такой «транспорт» — в новинку.

«Девчонки» в беседе.
Под пологом снежного леса.

Футбол на снегу.

Григорий ПЕНЕЖКО,
Герой Советского Союза

Всякий раз, когда я слышу о Тбилиси, я невольно вспоминаю человека, который подорвал мне жизнь.

В тылу фашистов, за Кировоградом, меня сильно изувечили: осколки снаряда пронзили живот и грудь. Приступы удушья и боли заставляли спать сидя и пить только жидкую еду. Врачи не могли определить, что произошло у меня внутри, а мне казалось, будто желудок сидит в груди. Я перенял все по полостной хирургии и понял, что меня ждет мучительный конец или небыла операция, так как ее описания нет даже в учебниках. Большие духи месяца меня вытерли по госпиталю, а потом сказали, что не могут мне помочь, но поддержали дух: «В Тбилиси объявлен чрезвычайный хирург, отправляй нас к нему с нарочным».

В офицерском госпитале меня принимал врач, похожий на молодого зубра. После недолгого осмотра босиком поощал: «Будем лечить» — и положил в одиночную палату, в «мертвецкую». Медсестра устроила мне из матраца судачью постель и с гордостью сказала, что принимает меня сам главный хирург — Мамия Эседович Комахидзе и что раненым зовут его Мамед Садоридзе.

Комахидзе не давал мне покоя своими обследованиями, а я и словами не обмолвился о том, что чувствую внутри, — опасался, как бы не отправили в другую госпиталь. Я узнал, что он делает тяжелые операции еще в двух солдатских госпиталях, сутками не бывает дома, а молодая жена, преподавательница в институте, бегает с карабином по городу, ищет его, чтобы накаркать.

Как-то Комахидзе, заметив, что я пишу письма и нтру на родине в соседнем доме, неожиданно предложил сойти в оперный театр. Я с радостью согласился, и начальник моего отделения Рудан Чачвадзе повел меня на «Абесалом и Этери». Ее муж погиб на фронте, и ее большие черные глаза были полны тоски и боли. Она пошла со мной только потому, что попросила Комахидзе.

Стройная и женственная, в черном длинном платье, а с достоинством вела меня под руку. Я был на голову ниже ее, в линзкой и продавленной осколками гимнастерке с неотстриженными следами крови и нестриженными запястьями танка, в кирзовых сапогах с чужой ногот. Мы шли сквозь нарядную толпу под огнями хрустальных люстр, и шумный городской говор обрывался, когда мы поспешно уступали нам дорогу. Когда погас свет и полились наливные песни Грузии, я забыл о

своих напастях, а Рудан уже казалась мне призрачной богиней в тени нашей любви. На меня нахлынула ошеломляющая радость, жизнь торжествовала и звала...

Утром Комахидзе осмотрел меня и заметил еле слышно: «Гадство рождает силу». Потом он долго обследовал меня, просвечивал на столе-качалке, затем усадил на табуретку и торжественно объявил: «Здесь желудок сидит — и приложил руку к левой стороне моей груди» — а сердце вправо шло. Случай небывалый! От удивления он хлопнул в ладоши, поощал: «Покажи же нашему консультанту, академику Мухадзе». Теперь я убедился, что он не отправит меня в другой госпиталь, и рассказал ему все, что со мной произошло после ранения и как я почувствовал желудок в груди.

Академик Мухадзе вертел меня перед рентгеновским аппаратом, шуршал глазами на экран и вслух рассуждал, что никаких повреждений у меня не видит, желудок на месте, и объявил свое заключение:

— Капитан здоров! Может ехать на фронт...

Они долго спорили, просвечивали меня, лежащего вниз головой, треска и снова спорили. И меня начала усталость, и я не только констатировал операция мне уже не понадобятся, «как себя чувствую» — услышал я над собой голос академика. Обида давила на сердце, и я поддержал его заключение: «Где-то на фронте, да Комахидзе не отпускает».

Мамия Эседович обнял меня за плечи и поспешно повел из кабинета.

— Я решаю, как поступить с больным! Не волнуйтесь! — убеждал он.

— Согласно на операции! Только под местным наркозом. Покошечек, пошечек немного» — часа четыре. Зато сразу на ноги встанете.

Я обрадовался, потому что слышал, как его коллега отговаривал

Мамия Эседович Комахидзе.
Фото С. Васюкова

его, мертвецким, мол, операции не делают. Я стал просить, чтобы он скорее начинал вырезать, было нечем от него хотелось, только одного, чтобы он скорее разрешил грудь и впустил в нее воздух. Комахидзе кинул головой — согласен, значило, посоветовал написать письмо родным. Но я с укором сказал ему:

— Я умираю не собираюсь. Верю в вас, а письмо напишу потом.

Он покраснел, сослался на приказ командования и быстро ушел.

Медсестра принесла мне серую треугольную рубашку с френот. Мой механик-водитель танка Андрей Никанорич писал, что наша 31-я танковая бригада 17 марта вырвалась к Дниестру у местечка Сорюки и что сам маршал Ротмистров поставил им боевую задачу прорваться к Груту. Пишет он с правого берега Дниestra, боевые товарищи аспиронили обо мне, тубреют не задерживались и догонят их по танковому следу в Румынии.

Письмо так подняло настроение, что даже ушью отступило, и мне страстно захотелось выйти на улицу. Вскоре пришла санитарка готовить меня к операции. Но как она ни наставляла, борозу я не давал к Дниестру. Она возмущилась, позвала Комахидзе, а объяснил ему: «Борода кланяется! Явился не брить до Победы!» и предложил надеть на нее наволочку.

Комахидзе улыбнулся, кинулся, и мне на подбородок наткнулся мешочек от салфеток, а товарищи гурьбой отвели меня на тележке в операционную.

— Перед глазами висела простыня, но через дырки в ней я все видел. Круглые часы на шкафу показывали двенадцать — осталось терпеть два часа. У правой ноги на табуретке мирно дремал академик, а над мной склонился ас Комахидзе и копался в моих внутренностях. Он с радостным и гордым видом выпрыкивал и позвал академика. Мухадзе поспешно по-стариковски поднялся, подошел к столу и натгал холодного воздуха под сердце. Комахидзе что-то показывал ему и шептал что-то, а академик, а тот заглядывая в полость живота то с одной, то с другой стороны, удивленно открывал прищуренные глаза и встал на ноги и сказал: «Поздравляю, разговаривая сам с собой, вошел на свое место. Комахидзе пусть по-русски с возмущением вскрикнет: «Ай кой черт я тогда задал тебе!» — да так громко, что у кого-то из женщин инструментов выпал из рук и зашел на полку. Это, видимо, успокоило Комахидзе, и он стал прощать академика:

— Ну, скажи, как делалось?

— Мне становилось хуже, не хватало воздуха, но я не выдержал и от души рассмеялся. Комахидзе быстро подошел ко мне и пристально посмотрел в глаза. Я подмигнул ему в сторону академика —

ка — чей ты, мол, от него добывался — я знаю — и тонким заговорщицким сказал: «Режь, перелопи и вытаскивай туберку, а потом выпьем шампанского» — мне очень хотелось пить. «Ах, выпьем! Выпей!» — ласково согласился он, ушел за простыней и опять занялся мной. И вдруг я перестал чувствовать пальцы на ногах и в руках. Хотел сказать об этом сестре у изголовья, но голос у меня пропал, а она смотрела куда-то в сторону. Мне показало, что я ждал бесконечно долго, что она не повернула голову и наши глаза встретились. «Мамин! Пульс пропал!» — испуганно крикнула она.

Падая, я сорвался головой Комахидзе, и я мортнул ему, что все идет нормально, не волнуйся, мол. Он внимательно поглядывал на меня, спокойно сказал сестре: «Дайте мне кровинку» — и начался операцией. С кровью тепло пошло по телу, я почувствовал пальцы, появился голос. Но вот Комахидзе, с бульканьем и урчаньем стал вытаскивать из груди, и на сердце хлынул воздух. Я догадался, что он вытаскивал желудок. Академик подошел к операционному столу, и Комахидзе показал ему что-то, тот согласно кивнул головой и направился к двери, приговаривая: «Век живи, век учишься, а дураком, видно, помираешь».

Комахидзе оперировал почти пять часов. Когда он закончил операцию, усталое опустился на табурет около меня и категорически своим тоном объявлял: «Теперь будешь жить!»

Я посмотрел на него с благодарностью и согласился:

— Ну, а куда теперь денешься, если умираю?

Он хмыкнул, проводил меня в палату и остался ночевать в госпитале.

Весь целый месяц Комахидзе боролся за мою жизнь, а когда я встал на ноги, отправив в сочинский госпиталь для полного выздоровления. Там я узнал, что меня хотят отправить в тыл, и деловито заявил на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

Зертировал на фронт.

ПЕСТРЫЕ СТРАНИЦЫ

С ЧАСАМИ ЗА ПЛЕЧАМИ

Из Трибберга в горах Шварцвальда (ФРГ) они отправляются на международную ярмарку часов. Самобытные изделия народных умельцев этого района, радующие глаз неповторным своеобразием национального колорита, непременно станут ее украшением.

ТОЖЕ ИСКУССТВО

Искусство фигурной стрижки садовых деревьев таит в себе много сложностей. Но, овладев им, один из жителей пригорода Бекфорда (Англия) сумел создать вот такую любопытную композицию.

СОБАЧЬЕ ХОББИ

Хозяин этой собаки, житель Майами (США), утверждает, что она очень любит кататься на водных лыжах.

ЧЕМ МЕНЬШЕ, ТЕМ ДОРОЖЕ

Эта взрослая лошадь достигает 80 сантиметров в высоту и весит около 20 килограммов. Однако купить такую «живую игрушку» для своих детей далеко не всем родителям по карману. Кстати, выращивание карликовых декоративных лошадей приносит аргентинскому фермеру Л. Моньяно гораздо больший доход, чем бывшее разведение обычных тяговых лошадей.

Валентин БОРИСОВ

Афоризмы

Обаятельный даже для решительного «Нет!» найдет мягкий полутон.

Добродушие так отличается от доброты, как бездействие — от действия.

Не одинок человек, нашедший самого себя.

Чтобы бороться со злом, надо знать его корни.

Нет плоских людей, которые бы не пыжились.

Не там зла: разсеет душу

Лишь тот легко прыгает, кто много ходит.

Когда ндешь очки, тронь рукой переносицу.

И золотая мысль не блестит, пока ее в серебро слов не оправишь.

В люди мной раз выбивается тот, кто им совсем не нужен.

Что несут народу Кампучии...

«Конек» мистера Бжезинского.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Видит око, да... руки коротки.

Рисунки народного художника СССР
Бор. ЕФИМОВА

Нога в ногу...

ISSN 0131-0097

Индекс 70663

Цена номера 35 коп.

Моды

